

СТАРЫЕ —

МОЛОДЫМ

1960

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>От издательства</i>	5
Г. В. АДАМОВИЧ	7
Ю. П. АННЕНКОВ	11
Н. С. АРСЕНЬЕВ	31
В. В. ВЕЙДЛЕ	36
Б. К. ЗАЙЦЕВ	43
Л. А. ЗАНДЕР	47
В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ	55
Н. О. ЛОССКИЙ	61
М. М. НОВИКОВ	71
Н. И. ОСИПОВ	80
Ф. А. СТЕПУН	91
Н. С. ТИМАШЕВ	101

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В эти годы из России в западные страны приезжает значительно больше людей, чем когда-либо в сталинское время. Приезжают группы туристов, хоры, театральные и цирковые ансамбли, спортсмены; приезжают ученые на международные научные конгрессы и съезды, писатели для встречи с западными писателями, специалисты разных областей для заключения договоров и приемки покупаемого оборудования или для ознакомления с хозяйственной и культурной жизнью Запада. И среди этих многочисленных приезжающих встречаются люди, проявляющие не только живой, но и углубленный интерес к жизни русского зарубежья. Им подчас удается без надзора встречаться с русскими эмигрантами и вести с ними продолжительные беседы.

В этих беседах наши соотечественники задают иногда такие вопросы: а что делают и думают на Западе русские люди, уже давно выехавшие из России? Каковы их нынешние взгляды, враждебны ли нам или дружественны? Как они относятся к своей родине; не перестали ли они быть русскими людьми, не превратились ли в иностранцев или в «космополитов»?

Подобные вопросы и вызвали мысль об издании настоящего сборника. Приступив к нему, мы не задавались слишком широкими целями: дать, например, более или менее полную картину жизни эмиграции, показать ее культурную, политическую и общественную деятельность, ее представления о будущем России и т. д. Мы ограничились своей задачей попыткой дать только прямой ответ на вопросы представителей нового поколения России, полагая, что и это оправдает издание такого сборника.

Не задавались мы и целью привлечь к участию в сборнике как можно больше представителей русского зарубежья. Мы

обратились к ряду лиц, известных в той или иной области и начавших свою деятельность еще до революции, — те, кто откликнулись на наше обращение, и вошли в этот сборник.

Представленные в нем лица составляют лишь небольшую часть русских эмигрантов, начавших свою деятельность в России до революции. Но их высказывания характерны почти для всего русского зарубежья и по ним можно судить о взглядах и настроениях современной русской эмиграции.

Добавим, что материалы для составления биографических справок даны самими участниками сборника.

Георгий Викторович Адамович родился в Москве в 1894 году, учился в Петербурге, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1916 году в издательстве «Гиперборей» вышел первый сборник его стихов «Облака», в 1922 году — второй сборник «Чистилице».

За границей поселился в Париже. Помещал стихи и статьи в «Современных записках», «Числах» и других изданиях. В течение десяти лет был постоянным литературным критиком газеты П. Н. Милюкова «Последние новости».

В 1939 году вступил добровольцем во французскую армию. После войны выпустил на французском языке книгу

„L'autre patrie“, по-русски — сборник статей «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк 1956) и «В. А. Маклаков» (Париж 1959).

Каждому из нас, людей давно уже уехавших из России, вероятно случалось думать: что я сказал бы «им», в особенности русской молодежи, если бы удалось встретиться для долгого, и как водится у нас, позднего, ночного разговора, с глазу на глаз, обо всем пережитом ими и нами, о наших надеждах, недоумениях, желаниях?

В беседе все было бы легко, — конечно, при условии, что наладилось бы взаимное доверие. Но говорить, не слыша возражений и ответа, трудно, и тем более трудно, что упрекаешь себя в самомнении. В самом деле, что я такое, чтобы давать советы, обращаться с увещанием и чуть ли не с завещанием к кому бы то ни было? Что мы такое, все мы, без единого исключения? Даже если действительно мы искренни и доброжелательны, не «размахнуться бы Хлестаковым», как сказал о себе Гоголь после «Переписки с друзьями», не натолкнуться бы на насмешку, вызванную подозрением в склонности к ничем не оправданному учительству?

Лично меня это сомнение парализует. Лучше бы подождать встречи и выслушать тогда все то, что будет сказано и нам, т. е. проверить предъявленный счет, без предвзятого отказа от оплаты его. Человек, считающий себя безупречно правым, в чем-то неправ наверно, и пожалуй именно с этого проблематический будущий разговор начать и следовало бы. В мире все слишком неблагоприятно, чтобы кто-либо мог счесть себя свобод-

ным от ответственности за происшедшее и происходящее. Да, с этого разговор бы и начался, а к чему привел бы, не знаю.

Но все-таки, что хотелось бы сказать «им», русским людям, у которых вся жизнь впереди? По существу не очень многое, и потому не очень многое, что, перебирая и взвешивая свои пожелания, мало по малу список их сокращаешь: это в конце концов не так уж важно, другое само собой разумеется — и так далее. Остается немногое, что пересмотр выдерживает, да пожалуй почти все в себе и вмещает. Сказать бы хотелось приблизительно следующее.

Постарайтесь быть верными России в том лучшем, что она за прошлые века дала, т. е. духу России, духовным особенностям России, «лику» ее. Было время, когда нам казалось, что особенности эти кем-то выдуманы или во всяком случае преувеличены: но нет, это не так, и чем дольше на Западе живешь, тем острее и даже как-то радостнее это чувствуешь. Конечно, Запад — «страна святых чудес», и не в одном только прошлом, не только по тем кладбищам и «дорогим могилам», над которыми собирался рыдать Иван Карамазов: не обольщайтесь насчет этого, не поддавайтесь случайным впечатлениям, вызванным политическими раздорами. Запад должен бы навсегда остаться дорог всякому русскому, и стыдно, да и глупо, было бы от него отрекаться. Но у нас было и есть что-то свое, и достаточно раскрыть одну из великих русских книг, — их не так много! — чтобы это почувствовать.

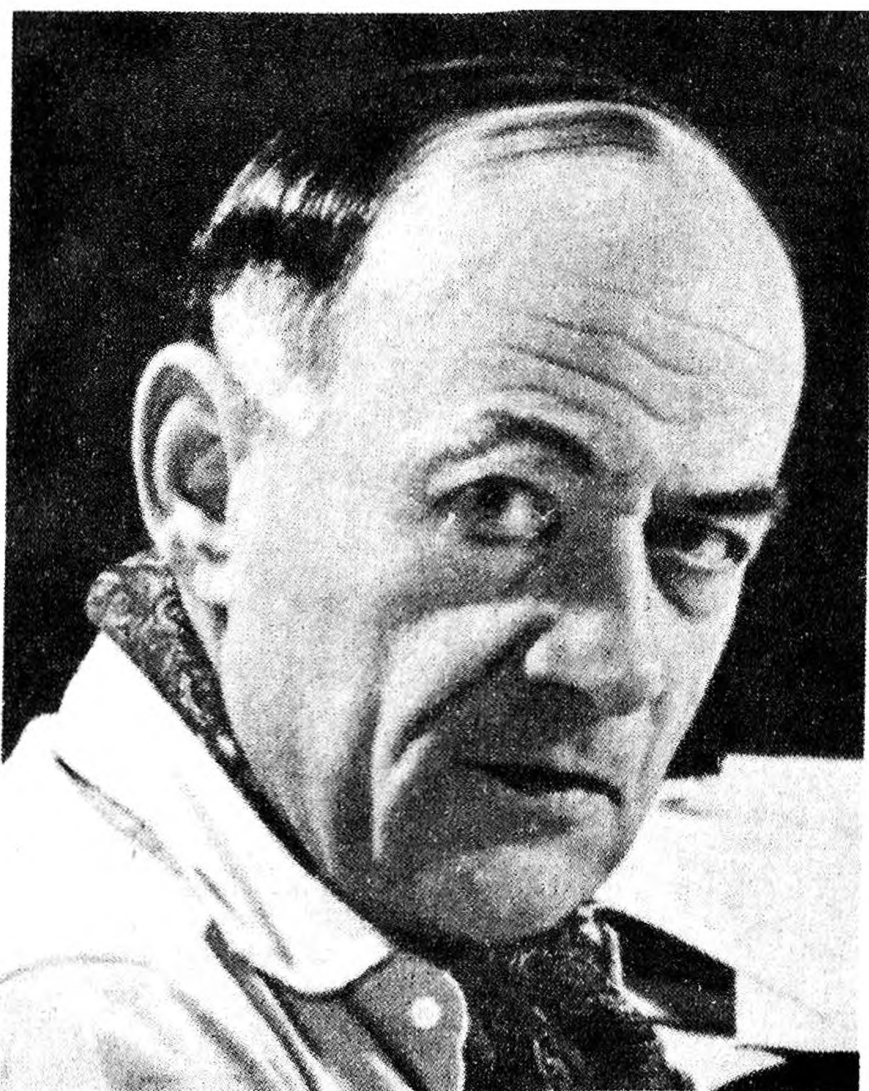
Надо это «свое» сохранить. В чем оно? В особом, не совсем таком, как в других культурах, понимании добра и зла, в особой чувствительности к тому, что правдиво и что ложно. Все новое, чему вас научили, или к чему вы может быть сами пришли, должно с этим быть согласовано — или отброшено. Не о повторении речь, а о продолжении, о развитии, о недопустимости коренного разногласия. Да, у всех нас было много ошибок, но теперь,

в возрасте, когда от жизни уже не ждешь никаких практических благ и даров, когда практически все уже более или менее «все равно», видишь, что к роковым или точнее непростительным ошибкам надо бы причислить только те, в которых был именно этот грех. Будьте же верны России, не будьте изменниками России, поймите, что даже при самом пылком государственном патриотизме, при горячей «любви к отечеству и народной гордости» можно все-таки изменниками оказаться. Некоторые замечательные русские мыслители думали, что России, православной и монархической, суждено спасти одряхлевший, омертвевший, возгордившийся Запад, и теперь это может вызвать лишь горькую усмешку, — впрочем, заодно с большинством политических пророчеств. Но как знать, в других формах, предвидеть которые невозможно, в другом обличь предсказание может и оправдаться. Как знать, в самом деле? Из страшных испытаний, на ее долю выпавших, Россия может выйти очищенной, обновленной, облагороженной, — и надо бы ей в этих тяжелых родах помочь. То, о чем я говорю, не только возможно, а и в высшей степени правдоподобно. Надо бы, значит... впрочем, я уверен, что вы уже с полуслова все поняли. Вопрос только в том, согласились ли.

Поверьте, во всяком случае, что если «из прекрасного далека» человек позволяет себе вам об этом напомнить, то не потому, чтобы считал себя лучше или умнее вас, или хотя бы опытнее: нет, только потому, что и проведя почти уже сорок лет за границей, он русским остался и хотел бы по мере данных ему сил и оставшихся возможностей в передаваемой из поколения в поколение общей русской работе участвовать.

И еще потому, что «трудна работа Господня», как сказал перед смертью Владимир Соловьев.

Георгий АДАМОВИЧ

Юрий Павлович Анненков родился в 1892 году в Петропавловске на Камчатке; учился в Петербурге, окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1908 года увлекся живописью и начал учиться в школе художника С. Зейденберга, затем у профессора Академии художеств Я. Ф. Ционглинского; по его совету Анненков в 1911 году уехал для занятий живописью в Париж.

Впервые выставил свои картины в 1913 году в Салоне Независимых Художников. В России выставлял картины на выставках «Современной русской живописи и рисунка», «Союза молодежи», «Мира искусства», в «Салоне Добычинной» и т. д.

Одновременно Анненков обращается к иллюстрации книг и к театральной декорации. Он постоянно сотрудничал в «Сатириконе», в журналах «Театр и искусство», «Отечество»

(под редакцией Л. Андреева), «Красный милиционер», в «Синем журнале»; им сделаны иллюстрации ко многим книгам, в том числе к «Двенадцати» А. Блока, к книгам Горького, Замятина, Чуковского («Мойдодыр»), Вс. Иванова, К. Федина, Э. Синклера, Д. Лондона. В России им были сделаны декорации и костюмы ко многим театральным постановкам, включая пьесы «Нос» по Гоголю, «Самое главное» Н. Евреинова, «Собака садовника» Лопе де-Вега, «Саламанская пещера» Сервантеса, «Гимн Рождеству» по Диккенсу, «Скверный анекдот» по Достоевскому, «Бунт машин» А. Толстого и т. д. Работа в театре сблизила его с режиссерами Урванцевым, Евреиновым, Петровым, Станиславским, Хохловым, Мейерхольдом, Сахновским, Балиевым. Анненков и сам выступает, как режиссер: в 1919 году он поставил, в своей инсценировке, «Первого винокура» по Л. Толстому, объединив на сцене актеров драмы, цирка и эстрады, — этот спектакль оказал значительное влияние на развитие «авангардного» театра, в первую очередь на работу режиссеров С. Радлова и В. Мейерхольда.

В 1920 году Анненков участвует (как режиссер — вместе с А. Кугелем, как декоратор — с М. Добужинским и В. Щуко) в создании первомайского массового зрелища — «Гимн освобожденному труду» (2.500 действующих лиц). В том же году — как режиссер (вместе с Н. Евреиновым, К. Петровым и А. Кугелем) и как автор декораций и костюмов в грандиозном зрелище — «Взятие Зимнего Дворца» (8.000 действующих лиц, 150.000 зрителей) на площади перед дворцом.

В 1921 году Анненков опубликовал, в журнале «Мир искусств», манифест «беспредметного» театра — «Театр до конца»; этот манифест был впоследствии переведен на французский, немецкий и итальянский языки и до настоящего времени сохраняет свое значение.

В 1920 году Анненков был избран профессором Академии художеств.

Много времени отдавал Анненков портретной живописи. Им были написаны портреты писателей, художников и других деятелей искусств — Н. Евреинова, И. Репина, В. Хлебникова, А. Лурье, М. Кузмина, Ф. Комиссаржевского, А. Ремизова, Г. Уэллса, М. Горького, В. Шкловского, А. Блока, А. Ахматовой, Г. Иванова, А. Бенуа, К. Чуковского, Е. Замятина, В. Ходасевича, Н. Альтмана, Асейдоры Дункан, Б. Пастернака, В. Маяковского, В. Щуко, Б. Пильняка, В. Пу-

довкина, А. Довженко, Э. Верхарна и многих других. Им написана также серия портретов «вождей революции»: В. Ленина, Л. Троцкого, Антонова-Овсеенко, А. Луначарского, К. Радека, Г. Зиновьева, И. Сталина, Л. Каменева, Э. Склянского, В. Зофа, Н. Муралова, А. Енукидзе, В. Полонского.

В 1924 и 1925 годах Анненков, как представитель СССР, участвовал в Международных художественных выставках в Венеции и в Париже, после чего отказался от возвращения в СССР и остался во Франции. Он выставлял свои картины в Салоне Независимых, Салоне Тюильри, Осеннем салоне, в Салоне новой реальности и на многих других выставках как во Франции, так и в Бельгии, Голландии, США и в других странах. В годы второй мировой войны Анненков окончательно порвал с предметной живописью, перейдя к абстракции и все более развивая рельефную трехмерную живопись, оставив плоскостную двухмерную.

Продолжалась за границей и интенсивная театральная работа Анненкова: он создал декорации и костюмы ко многим постановкам разных театров, в том числе для балетов Б. Нижинской «Ревнивые комедианты», «Вариации Бетховена» и «Гамлет», для «Пиковой дамы» по Пушкину, для семи пьес Е. Ионеску, для шести пьес Жана Тардье и для многих других театральных постановок во Франции и в других странах. В качестве декоратора и рисовальщика костюмов, за границей он принял также участие в постановке 62-х кинофильмов; занят он работой и в телевидении. В свободное время не прекращает Анненков и занятие портретной живописью: за границей, по 1960 год, им сделаны портреты Леона Блюма, Леонида Красина, композиторов Артура Оннегера, Мориса Равеля, С. Прокофьева, писателей Андре Жида, Жана Жироду, И. Бабеля, А. Толстого, А. Барбюса, И. Эренбурга, М. Алданова, Жана Кокто, артистов Витторио де-Сика, Жерара Филиппа, Пьера Брассера, Анны Павловой, Сергея Лифаря и многих других лиц.

Одновременно продолжает Анненков писать и по вопросам искусства, во французской, немецкой, итальянской и в русской зарубежной прессе. В 1951 году он выпустил книгу, на французском языке, о судьбах кино; в русской прессе им напечатаны воспоминания о М. Горьком, С. Есенине, А. Блоке, Б. Пастернаке, А. Бенуа и А. Ремизове; на французском языке — книга о Маяковском. Кроме того, под псевдонимом «Борис Темиряев», Анненков выступает и как беллетрист:

им написаны романы «Повесть о пустяках», о России первой четверти века, «Рваная эпопея», о жизни эмиграции во Франции во время второй мировой войны, и другие произведения.

К МОЛОДЫМ ХУДОЖНИКАМ СССР

Я обращаюсь к советской художественной молодежи. Это — очень трудный разговор. Я покинул Советский Союз в конце 1924 года. Мы стоим на разных плоскостях, которые между собой не соприкасаются. Судьба русского искусства, или — вернее — русского искусства, принужденного стать искусством «советским», меня, тем не менее, глубоко интересует и волнует. Сведения и редкие свидетельства, иногда доходящие до меня, показывают, что художественной молодежи в Советском Союзе больше нет. Или же — она живет, творит и развивается в подполье. Так называемое «советское» искусство, народившееся в середине двадцатых годов с появлением АХРР'а (Ассоциация Художников Революционной России), являлось, с первых дней своего существования, одряхлевшим подражанием отжившего «передвижничества», несмотря на возраст художников, и с тех пор оно продолжает все больше стареть.

Так ли это на самом деле?

В 1956 году, узнав, что в Венеции, на устраиваемой там каждые два года международной художественной выставке, снова открылся, после двадцатилетнего перерыва, советский павильон, я, не задумываясь, сел за руль моего автомобиля и укатил из Парижа в очаровательную, вечно юную Венецию, отражающуюся, как в зеркале, в голубовато-зеленых блестящих своих каналах.

Здесь следует пояснить, что мы, так называемые «апатриды» или «безродники»*), то есть люди, юриди-

*) «Бесподданные» — эмигранты, бывшие граждане России или СССР и других восточноевропейских стран.

чески утратившие свою родину, пользуемся, несмотря на это, в Европе абсолютной свободой жизненных условий. Мы получаем паспорт, действительный на десять лет, по истечении которых получаем автоматически паспорт на следующее десятилетие. «Безродные» художники, мы можем свободно заниматься своим искусством, предметным или абстрактным, писать картины, театральные или кинематографические декорации, иллюстрировать книги или делать скульптуру на любые темы, в любой, никем не контролируемой индивидуальной форме, и выставлять свои вещи сколько хочется на групповых и индивидуальных выставках во Франции, в Англии, в Италии, в Голландии, в Бельгии, в Западной Германии, в Соединенных Штатах Америки, в Австралии, в Японии и т. д. Само собой разумеется, что мы пользуемся здесь также полной свободой передвижения.

Таким образом, выехав утром из Парижа, я ночевал в Монте-Карло. На следующее утро, проехав по берегу моря до Генуи, я направился на Парму и Мантую, в которой и проблуждал, как в музее, всю вторую половину дня, среди архитектурных памятников семисотлетней и пятисотлетней давности, подолгу останавливаясь перед фресками Монтегни, Жюля Ромэна. . . Проспав часов до восьми утра, я, на третий день путешествия, к завтраку приехал, через Падую (родину Монтегни) в Венецию — город Виварини, Мессины, Джорджионе, Пальмы Веккио, Селимена, Пьяццетты, трех — Жентиле, Жакопо и Джованни — Беллини, Карпаччио, Вероккио, Веронезе, Тициана, Тинторетто, Тьеполо, Лонги, Каналетто, Гварди. . .

Все гостиницы, однако, оказались переполненными (был разгар туристического сезона), и в справочном бюро на вокзале мне объявили, что ни одной свободной комнаты найти невозможно. Разочарованный, я запер машину на ключ, оставил ее на вокзальной площади и отправился в город по горбатым мостам, пересекающим каналы, по которым скользили гондолы и моторизованные лодки, по узеньким переулкам и площадям, заглядываясь на уходящие в воду кружевные дворцы, на башни, на соборы, на творчество таких зодчих, как Кардуч-

чи, Ломбардо, Сансовино, Лонгена. . . На узенькой улочке, в двух шагах от площади Святого Марка, я наткнулся на двух подлинно венецианских старушек, с черными наколками на головах. Я спросил старушек, не знают ли они, где бы я мог найти приют на несколько дней?

— А вот здесь! — приветливо ответила мне одна из них, указав на окно дома, у стены которого они разговаривали.

Я поднялся со старушкой в ее квартиру, и она провела меня в очень чистую и удобную комнату, окно которой выходило на канал и на древний фасад на другом берегу. Шестнадцатилетний внук старушки весело отправился со мной на вокзальную площадь и принес мой багаж. Я прожил в этой милой семье двенадцать дней, пользуясь всеми удобствами квартиры, до ванны включительно, и заплатив какую-то чепуху, несмотря на то, что каждое утро восемнадцатилетняя внучка старушки, улыбаясь, приносила мне в постель замечательное итальянское кофе со сливками, с различными крендельками, маслом, пармской ветчиной и вареньем. Никаких документов, никаких разрешений на въезд, никто у меня, конечно, не спрашивал.

В первый же день приезда, часа в четыре, я уже был на Международной выставке, где сразу же узнал советский павильон, в котором, в 1924 году, было выставлено несколько моих работ и, между ними, мой огромный портрет Льва Троцкого, написанный в 1923 году по заказу Реввоенсовета («социальный заказ»*) для московского музея Красной армии, судьба которого мне теперь неизвестна.

32 года спустя, я увидел в венецианском павильоне новое «советское» искусство: живопись и скульптуру. Это была самая страшная, самая отсталая, самая устаревшая выставка, какую мне пришлось видеть. Само собой разумеется, что моим первым желанием было познакомиться с творчеством, достижениями и исканиями молодежи, и, потому, прежде всего возник вопрос о возрасте представленных художников. В каталоге я нашел 33 художников, родившихся в 19 веке, между 1862 го-

*) Или — «социальный приказ», как «острил» Карл Радек, дорого поплатившийся за свое остроумие.

дом и 1899; 26 художников, родившихся между 1900 и 1914 годами, и лишь 8 художников, родившихся между 1915 и 1926 годами. Это было, повторяю, в 1956 году. Следовательно, 59 представленных художников имели тогда от 96 до 46 лет от роду, и только 9 художников — от 45 до 34 лет. Всего один среди них был 30 лет (Озис). Моложе этого возраста в советском павильоне не было никого.

Удивленный такой пропорцией, я зашел в соседние Швейцарский и Венецуэльский павильоны и там, в каталогах, увидел: Швейцария — 14 художников, родившихся между 1903 и 1929 годами (значит, художники от 53 лет до 27), и всего трое, родившихся в прошлом веке. Венецуэла — семь художников, родившихся между 1918 и 1928 годами (от 38 до 28 лет), и всего один — в прошлом веке. Подобное сопоставление прежде всего навело меня на мысль, что количество молодых людей, стремящихся стать художниками, в Советском Союзе значительно уменьшилось по сравнению с дореволюционной Россией и с другими странами. Однако, пройдя еще раз по различным павильонам выставки и посетив (далеко не впервые) музеи Венеции, я вернулся к мысли, что в прогрессе искусства возраст художника не играет решающей роли. Прогресс искусства, обновление его замыслов, его форм, зависит главным образом от свободы или от подчинения творчества. Произведения Тициана, написанные им почти в столетнем возрасте (он прожил 99 лет) или Тинторетто, работавшего тоже до глубокой старости, до сих пор, несмотря на прошедшие века, сохраняют свою свежесть и юность, потому что они самостоятельны и индивидуальны, в то время как картины какой-нибудь Яблонской или Озиса (39 и 30 лет в 1956 году), произведшие на меня впечатление одряхлевшего старья, совершенно не отличимы друг от друга, как поношенная солдатская форма, сшитая по одному и тому же образцу. Старики Герасимовы, Иогансон, Пластов, Бялиницкий-Бируля, или «молодые» Озис, Яблонская, Неменский, Дубинский, Нигосьян, Пинчук, Максимов или Литвиненко писали в 1956 году совершенно также (только — с меньшим профессиональным мастерством), как 75 лет тому назад писал Владимир Маковский или Василий Верещагин, провозглашенные в

Советском Союзе «классиками». Никакой разницы, кроме падения мастерства.

Впрочем, насколько мне известно, профессиональное совершенствование советского художника мало интересует советскую власть: она относится к этому скорее отрицательно. Я напомним здесь ставшие тоже в своем роде классическими слова «идеолога» советского искусства, Андрея Жданова, предостерегавшего художественную молодежь от попыток «перегнать» классиков:

«Если говорить откровенно и выразить то, о чем думает советский зритель, то было бы совсем неплохо, если бы у нас появилось побольше произведений, похожих на классические по содержанию и по форме, по изяществу, по красоте. Если это — эпигонство, что ж, пожалуй, не зазорно быть таким эпигоном!»

Еще одна фраза того же Жданова:

«Партия восстановила в полной мере значение классического наследия Репина, Брюлова, Верещагина, Васнецова, Сурикова».

И дополнительные слова А. Герасимова, бывшего президента Академии художеств СССР:

«Исторические постановления Центрального Комитета (коммунистической партии), раскрывая глубокий смысл сталинского метода социалистического реализма и ленинский принцип большевистской партийности искусства, еще раз показали, что только передовые идеи нашей эпохи — идеи Ленина-Сталина — были и будут той могучей силой, которая двигала и двигает вперед, творчески поднимает и возвеличивает советское искусство... Выставки изобразительного искусства в СССР наглухо закрыты для формалистического творчества».

Мне кажется, что эти фразы (а таких фраз можно привести многие сотни) с полной ясностью показывают, в каких полицейских клещах находится в СССР свобода творчества...

* * *

Со времени венецианской выставки⁹ прошло четыре года, и теперь, впервые после 1937 года, была показана выставка советского искусства в Париже. Несмотря на возросшую почти в три раза пропорцию молодых художников (от 28 до 45 лет), произведения их оказались еще более обветшалыми, чем на венецианской выставке.

Парижскую выставку я увидел на третий день после ее открытия. Залы были пусты: человек пятнадцать посетителей. Почти все — русские эмигранты. Одна древняя седоволосая парочка «старосветских помещиков» застыла перед картиной Левитина, и я услышал, как Пульхерия Ивановна умиленно шептала Афанасию Ивановичу:

— Видишь, видишь? Ничто не изменилось, все осталось, как было когда-то в старину, в нашем детстве, при Александре III. . .

Пульхерия Ивановна была права.

В последние годы я присутствовал на парижских гастролях советского балета, советского театра Станиславского и бывшей петербургской Александринки. Залы были переполнены, но тоже почти исключительно русскими эмигрантами, однако, определенного склада: бежавшая от революции русская буржуазия, страдающая «тоской по родине», пришла, сорок лет спустя, на свидание с новой советской буржуазией, легально приехавшей в Париж.

— Никакой революции, оказывается, не было: это же — мы, наш родной Чехов, наш прежний Станиславский! — слышались разговоры во время антрактов.

А где же Мейерхольд или Таиров, имевшие такое влияние на развитие западного театра? — спрашивал я себя. Они, в СССР, окончательно вычеркнуты партией и правительством, то есть представителями новой буржуазии и нового мещанства.

В «Истории искусства», изданной в 1954 году «Ленинградским государственным ордена Ленина университетом имени А. А. Жданова» — (уф!) — советский искусствовед В. Я. Бродский, в статье, озаглавленной «Мировое значение советского искусства», пишет:

«В буржуазном обществе производство культурных ценностей носит капиталистический, неорганизованный, а следовательно и не контролируемый полностью господствующим классом характер».

Несколько дальше:

«Только в советском искусстве, искусстве социалистического общества, стало возможным объединение всех художников на основе единого творческого метода. Общность направления усилий советских художников, ведомых и руководимых

партией коммунистов, составляет могучую жизненную силу и служит залогом небывалой прогрессивности творческого развития советского искусства. В необычайно короткий исторический срок молодое советское искусство твердо заняло ведущее место во главе всего мирового прогрессивного искусства...*) Впервые в истории созданы условия подлинной свободы художественного творчества, освобожденного пролетарской революцией от власти денежного мешка. Свобода советского искусства ведется под руководством нашей партии и правительства».

Оригинальное понятие о творческой свободе, не правда ли? А что, если художник, почувствовавший себя взрослым, захочет освободиться от «ведения» и «руководства» партии и правительства, чтобы пойти своим собственным творческим путем? Чем это будет считаться в СССР? Потерей свободы? Впадением в рабство? В закрепощение?

В. Я. Бродский продолжает:

«Господствующие классы всегда старались сделать искусство своим достоянием. Само существование художника зависело от заказов и покупки его произведений представителями имущих классов, их государственных, религиозных и художественных учреждений. При этом художник в классовом обществе мог добиться хороших условий существования, хорошей оплаты своего труда со стороны официальных заказчиков или богатых покровителей только путем приспособления своих произведений к вкусам и требованиям заказчиков, путем выражения в своих произведениях взглядов господствующего класса и его интересов».

А при советском «бесклассовом» строе?

По странному совпадению, в СССР, на основании приведенных выше показаний В. Я. Бродского, «господствующая» клика (партия и правительство) тоже всегда старалась сделать искусство своим достоянием. Там тоже «существование художника зависит от заказов» (социальный заказ) или покупки его произведений «государственными учреждениями» (партией и правительством). При этом, в «бесклассовом» (то есть в советском) обществе художник тоже «может добиться хо-

*) Если отсталость называть «прогрессивностью», то тогда В. Я. Бродский безусловно прав.

роших условий существования (как какие-нибудь Герасимовы и Иогансоны, или — в литературе — Шолоховы и Эренбурги), хорошей оплаты своего труда со стороны официальных заказчиков только путем приспособления своих произведений к вкусам и требованиям заказчиков (партия и правительство), путем выражения в своих произведениях взглядов господствующей «клики» (партия и правительство) «и ее интересов».

Совершенно одна и та же картина, совершенно те же «условия существования», с одной только разницей, на которую молодым художникам следует обратить особое внимание:

«Во всей истории искусства классового общества, — признается по недомыслию В. Я. Бродский, — происходит постоянная борьба между передовыми художниками и всем идеологическим и административным аппаратом власти, который стремится подчинить сознание художника господствующим идеям. В этой борьбе господствующий класс применяет все возможные средства воздействия: систему пропаганды и воспитания людей в духе господствующих воззрений, материальный пресс экономического давления и даже меры административного преследования органами власти».

Но если в «бесклассовом» советском обществе, где, как всем известно, «весь идеологический и административный аппарат власти» (партия, правительство, НКВД) тоже «стремятся подчинить сознание художника господствующей идее системой пропаганды и воспитания людей в духе господствующих воззрений и даже мерами административного преследования органами власти» (НКВД) и где «выставочные залы наглухо закрыты для формалистического творчества»; если всякая борьба с господствующим идеологическим и административным «аппаратом» (партия, правительство, НКВД) категорически запрещена и совершенно недопустима, то в «классовом» обществе, по признанию В. Я. Бродского, «искусство на историческом пути развития поднялось в творчестве русских художников XIX века на высшую ступень во всех областях — в музыке, драме, литературе, живописи».

Что значат эти слова наивного В. Я. Бродского?

Наивный В. Я. Бродский невольно высказал действи-

тельную историческую правду, а именно: в «классовых» обществах существовала и существует подлинная творческая свобода, то есть возможность борьбы за передовые, за новые идеи искусства, за индивидуальное искательство новых форм художественного выражения, свобода, ведущая художника на «высшую ступень» творческих достижений, в то время, как в СССР допустимы лишь повиновение партийной линии и исполнение приказов, то есть полное отсутствие творческой самостоятельности художника, ведущее искусство к гибели.

На парижской выставке советского искусства наиболее характерным было совершенное безличие выставленных произведений. Когда смотришь на картину, подписанную, скажем, Грековым, то спрашиваешь себя, почему она не подписана Герасимовым или Иогансоном, Кукрыниксами или Левитиным, Пластовым или Свешниковым, Труфановым или Яблонской? Никакой разницы, никакой отличительной черты ни в манере письма, ни в композиционном замысле. Даже — в темах. Разве не удивительно, что на картине Левитина «Ясный день» у открытого окна сидит полураздетая девушка-подросток, а в картине Яблонской «Утро» — полураздетая девочка-подросток стоит у окна? Разве не удивительно, что в линогравюре Попкова «Воскресенье» по снегу бегут на лыжах три парня, а на втором плане, по высокой насыпи, мчится поезд, — и что в картине Нисского «Под Москвой» кто-то идет по снегу на лыжах, а на втором плане, по высокой насыпи, мчится поезд? Что в картине Дейнеки «Полдневный отдых» на первом плане голые юноши-подростки бегут к воде за футбольным мячом, тогда как на втором плане, по высокой насыпи, мчится поезд? И т. д. Что должны символизировать эти спортивные молодцы на фоне мчащихся поездов? Радость жизни и технические завоевания? Возможно (хотя англичанин Стефенсон изобрел локомотив еще в тридцатых годах прошлого столетия). Но у зрителя эти картины не вызывают ничего, кроме чувства однообразия и скуки.

Наиболее страшным на советских выставках, «наглухо закрытых для формалистического творчества», яв-

ляется бездарнейший «социалистический» реализм, который решительно ничем не отличается от столь же бездарного «капиталистического» реализма, или — вернее — реализма мелкобуржуазного. Народившийся в середине прошлого века, этот мещанский реализм был, по счастью, очень скоро вытеснен на Западе появлением фотографии, то есть изобретением механического способа воспроизведения видимого мира. Успехи фотографии постепенно раскрепостили художника от навязанного ему требования «правдивого воспроизведения действительности». Постепенный отход художника от реализма начался с импрессионистов, потом пришли Сезанн, Ван-Гог, Матисс, кубизм и, наконец, беспредметное искусство. Эта эволюция коснулась не только Запада. Не следует забывать, что в первое десятилетие XX века русское театральное искусство, и в первую очередь, балетные спектакли Дягилева в декорациях Бакста, Бенуа, Рериха, Добужинского и, несколько позднее, Ларионова и Гончаровой, произвело во всемирном театре подлинный взрыв, смахнув со сцены бездушный академизм.

С этого же времени начинается бурное обновление русской живописи и русской скульптуры. После выставок «Мира Искусства» появляются «Голубая Роза», «Бубновыи Валет», «Ослиный Хвост», «Номер Четвертый», «Мишень», «Союз Молодежи», «Салон Добычиной» и т. д. Между 1906 и 1911 годами русское искусство, во главе с «лучизмом» Ларионова и Гончаровой, с «музыкальностью» Чурляниса, с Кандинским и позднее с «супрематизмом» Малевича и с «конструктивизмом» Татлина, обгоняя эволюцию западного искусства, отрывается от «фигуративности», от «предметности» и решительно переходит к абстракции, к отвлеченным формам художественного выражения. «Передвижничество» и всякого рода «реализм» в сознании русских художников сбрасываются в подвал истории искусства, теряют всякое значение и влияние. Реализм передается фотографии, фотографическому аппарату, и освобожденное молодое русское искусство постепенно занимает руководящее место на передовых позициях мирового искусства.

Буржуазный зритель, еще подчиненный, в области искусства, многовековой силе инерции, отталкивается от таких «новшеств», объявляя их «недоступными» и «непонятными» для «широких народных масс» и потому подлежащими уничтожению. Подобное же происходит на Западе. Но ведь высшая математика, например, тоже недоступна и непонятна для широких народных масс. Подлежит ли она из-за этого уничтожению? Человек приходит на выставку, не понимает, не чувствует ее и начинает бранить художника. Но почему бы такому зрителю не начать бранить себя самого за свое непонимание? Малая культурность или бескультурье отнюдь не являются привилегией и достоинством, которыми следует гордиться и до уровня которых все должны опускаться, чтобы стать понятными. Малая культурность и бескультурье являются болезнью, от которой следует лечить человека всеми способами, чтобы погасить ее заразность, так как бескультурье является болезнью чрезвычайно заразительной и очень быстро принимающей широкое распространение. Гораздо быстрее, нежели культурность, предъявляющая к себе самой все возрастающие требования.

Первые семнадцать лет нашего века русские художники, окруженные (как и на Западе) мещанской отсталостью широкого зрителя, творили в атмосфере постоянной, упорной и тяжелой, но вдохновенной борьбы за новые начала, за искательство, за духовные завоевания. Молодые художники этих лет были революционерами в искусстве и следовательно (что вполне естественно) людьми, приветствовавшими прогресс, обновление, омоложение, новые формы не только в искусстве, но во всех областях человеческой жизни. Вот почему, когда в конце 1917 года произошла в России социальная революция, возглавляемая коммунистической партией, художники инстинктивно стали на ее сторону. Это недоразумение длилось, однако, недолго. Художники быстро поняли, что коммунистическая революция, благодаря низкому культурному уровню своих вождей, не обратилась к новому будущему, но, напротив того: захватив власть в свои руки, коммунисты решительно обернулись к прошлому, к отжившему, превратив ре-

волюцию в реакцию. Панически боясь каких бы то ни было «новшеств» в области интеллектуальных изысканий и, в частности, в области искусства (литература, музыка, изобразительное искусство, театр и пр.), «революция» бесповоротно зашагала назад, к «классикам», и художники, искавшие новых путей, оказались занесенными на черную доску, получив прозвище «декадентов», упадочников, индивидуалистов. Впрочем, чего можно было требовать от подобных «вождей», когда сам Ленин сказал мне лично, в разговоре об искусстве:

— Искусство для меня — это нечто вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль будет сыграна, мы его — дзык, дзык! — вырежем. За ненадобностью.

Если «пропагандная роль» искусства еще продолжается, то искусство, как творчество, то есть создание невиданного, а не «запечатление видимого», — в Советском Союзе уже давно и окончательно вырезано. Во всяком случае, это вполне подтверждается теми произведениями «советских» художников, которые Москва посылает на заграничные выставки.

Действительный член Академии художеств СССР, В. П. Ефанов, произведения которого я тоже имел удовольствие видеть на венецианской выставке, договорился (на заседании Академии художеств) до следующего:

«Наши студенты берут тему о великих людях нашей эпохи — В. И. Ленина и И. В. Сталина, а документального фотографического материала, чем пользоваться студенту, в Институте нет. Вот, например, дипломная работа В. Пименова интересно и хорошо решена в композиции и в цвете, но она слаба тем, что в свое время профессор, который вел выпускника, не подсказал, какой ему фотоматериал нужен. Чувствуется, что у студента фотодокумента не было, ему не с чего было делать. При Институте совершенно необходимо создать хорошую фототеку».

Интересно было бы спросить В. П. Ефанова, по каким «фотодокументам» Репин написал Ивана Грозного, убившего своего сына, или Суриков — Меншикова в изгнании?

Если на Западе фотография освободила художников, то в СССР она их закрепостила.

Политическая наивность художественных деятелей и «идеологических руководителей» продолжается. Для того, чтобы показать, в каком «ужасном» состоянии находились люди и, в частности, художники в «классовом» обществе, составители каталога парижской выставки — В. Антонова, Е. Ацаркина, И. Емельянова, С. С. Гольдштейн, В. Герценберг, О. Живова, Е. Каменская, С. Кузнецова, И. Сахарова, Н. Сеньковская, Е. Щужилова и главный редактор Т. Коваленская («управление» искусством в СССР, по-видимому, целиком перешло в женские руки) сочли необходимым указать социальное происхождение художников:

- Аргунов Иван (1727-1802), крепостной князя Шереметева.
- Рокотов Федор (1735-1808), крепостной князя Репнина.
- Алексеев Федор (1754-1824), сын швейцара Академии наук.
- Уткин Николай (1780-1868), крестьянин.
- Кипренский Орест (1782-1836), сын крепостного.
- Федотов Павел (1815-1852), сын солдата в отставке.
- Архипов Абрам (1862-1930), выходец из крестьянской семьи.

А разве Ломоносов не был сыном крестьянина-рыболова? А разве Воронихин не был крепостным графа Строганова? Разве Горький не был «мальчиком» при магазине, посудником на пароходе, статистом в ярмарочном бараке, пильщиком, грузчиком, пекарем, садовником, весовщиком и сторожем на железнодорожных станциях? Разве Шаляпин, сын мелкого канцелярского служащего, не был учеником у сапожника, токарем и переписчиком бумаг? И не только они, но сколько других знаменитостей!

И разве «классовое» общество, жестокий царский режим, «бесчеловечные» князья Шереметевы, Репнины, графы Строгановы и беспощадная цензура помещали несчастным представителям забитых, поработанных сословий стать прославленными художниками, а картинам их висеть в музеях? Разве это только коммунистическая партия, после октябрьской революции, откопала

их произведения в каких-то тайных подвалах? Разве это коммунистическая партия объявила Ломоносова знаменитым поэтом, знаменитым ученым и выбрала его академиком? Разве не Воронихин воздвиг в свое время Казанский собор на Невском проспекте? Разве он не выстроил здание Горного института, дом Казначейства, каскад и колоннады в Петергофе, дворцы в Гатчине, в Павловске, в Стрельне, изумительную строгановскую дачу на Большой Невке? Разве он не украсил внутренности строгановского дворца? Разве он не был избран академиком? Разве Шаляпин не был лучшим певцом в императорской опере? Разве Горький, печатаясь при царском режиме, несмотря на свои революционные убеждения, не прославился в дореволюционной России и во всем мире, как писатель?

Наивные составительницы каталога не сообразили, что они подчеркнули чрезвычайную либеральность дореволюционной России, либеральность, о которой современные деятели искусства не смеют даже мечтать в Советском Союзе. Либеральность не только царской России, и даже — не только нашей эпохи. Разве греческий баснописец Эзоп, живший за 500 лет до Рождества Христова, и римский баснописец Федр, современник Иисуса Христа, создавшие французского Лафонтена и нашего русского Крылова, не были рабами? Разве великий Гораций, создавший за 50 лет до Рождества Христова Державина и Пушкина, не был сыном раба? Я предпочитаю, в таком случае, «рабский» строй, дающий Эзопа и Горация, и «капиталистический» строй, дающий Сезанна, Ван-Гога, Бетховена, Чайковского, Достоевского или Горького, чем так называемый «свободный» коммунистический строй, дающий Сурковых и Герасимовых.

* * *

Обращаясь к советской художественной молодежи, я хочу поставить ей следующие вопросы:

1. Согласны ли молодые советские художники творить «под руководством коммунистической партии и правительства»? Укрепляет ли подобное «руководство» их художественные взгляды и устремления?

2. Считают ли они вообще возможным и нормальным творить по чьей бы то ни было указке?

3. Считают ли они культурный уровень Никиты Хрущева достаточным для того, чтобы давать директивы для развития мирового искусства?

4. Существуют ли в СССР художники, творящие то, что они сами хотят и как они сами хотят, не считаясь ни с какими партийными директивами?

5. Существует ли в СССР искусство, протестующее против подобных директив и подобного руководства?

6. Иначе говоря, существует ли в СССР не только «советское», но и русское искусство?

7. Доходят ли произведения таких художников до широкого зрителя, и, если доходят, то какими путями, раз выставочные залы для них «наглухо закрыты»?

8. Как реагирует широкий зритель и, в особенности, молодежь на такие произведения, если они до зрителя доходят?

9. Увеличивается ли число частных коллекционеров, приобретающих тайно или открыто произведения свободного искусства, не зависящего от партийного руководства и идущего с ним вразрез?

10. Если такие произведения приобретаются тайно, то есть ли возможность (или надежда) их однажды увидеть?

11. Если такие «антипартийные» произведения искусства приобретаются открыто, то кто эти привилегированные коллекционеры и можно ли узнать их имена?

12. Правда ли, что Илья Эренбург принадлежит к числу подобных коллекционеров? Или эти слухи распространяются с целью поднять авторитет Эренбурга на Западе, куда он часто «делегировается» с пропагандными целями? Впрочем, нам известно, что в квартире Эренбурга, к которому заходят заграничные «культурные делегации», висит огромный портрет Пабло Пикассо. Но — портрет фотографический, а не написанный самим художником, работы которого считаются в СССР «упадочными», «формалистическими» и потому нежелательными, вредными и заразительными. Бездарный А. Герасимов, еще в бытность президентом Академии художеств СССР, говорил:

«Искусство у нас не забава, ради которой капиталисты Европы и Америки покупают все, начиная с формалистических картин Пикассо».

Фотографический портрет Пикассо висит у Эренбурга по двум причинам: во-первых, потому, что Пикассо состоит членом коммунистической партии, во-вторых, для того, чтобы у доверчивых «культурных делегаций» Запада создавалось впечатление о «либерализме» и о «широте взглядов» советской власти.

13. Бывают ли случаи правительственных конфискаций свободных внепрограммных и внепартийных художественных произведений у их авторов и у коллекционеров?

14. Знакомы ли молодые художники, живущие в СССР, с творчеством русских художников, живущих и работающих за границей, в свободных странах?

15. Чем объясняется тот факт, что в советской Польше свободное и даже абстрактное, беспредметное искусство, противное партийному руководству, открыто выставляется на публичных выставках (если, конечно, это правда)?

16. Протестуют ли молодые художники СССР против правительственного (то есть партийного) выбора их произведений, посылаемых на заграничные выставки?

17. Можем ли мы, русские художники, живущие за границей, питать надежду на то, что в скором времени увидим здесь, на Западе, произведения искусства, созданные молодыми художниками в СССР вне «социального заказа», вне «социалистического реализма» и «партийного контроля», если такое искусство, судя по доходящим до нас, сквозь щели «железного занавеса», слухам, в СССР действительно нарастает, а не умирает окончательно?

18. Видят ли (или видели ли) молодые художники СССР, родившиеся после октябрьской революции, произведения тех русских художников, которые творили там, на своей родине, в первое десятилетие после этого переворота, еще не скованные партийными заданиями и запретами, и вынужденные эмигрировать или, оставшись в СССР, уничтожить свою артистическую индивидуальность и заняться «социалистическим реализмом»?

19. Можно ли узнать, не причиняя им вреда, имена молодых русских художников, создающих в СССР свободное, не подчиненное партийной дисциплине искусство?

20. Можем ли мы, русские художники, работающие за границей, надеяться на устройство в свободных странах совместных выставок наших произведений с произведениями не подчиненных партийной линии русских художников, живущих в СССР?

* * *

Лично я хочу быть оптимистом и верить в возрождение русского искусства, заглушенного советской действительностью, но не убитого. Мы имеем примеры: если бы «Доктор Живаго» Бориса Пастернака не просочился тайно на Запад, эта рукопись никогда не была бы опубликована. Случай с Пастернаком чрезвычайно показателен, так как трудно поверить, чтобы этот случай был единственным. Теперь мы можем говорить, что, несмотря на сорокалетнее рабство, свободная русская (а не «советская») литература в СССР существует. Тайно, в подполье, в неизданных рукописях, — но существует. Правда, нам известно также, что наиболее поощряемым занятием в СССР является доносительство: доносить на соседей, на родственников, на родителей. Нам понятно также, что скрыть картину или переслать ее за границу гораздо труднее, чем рукопись. Но нам также понятно, что чем строже становятся требования, приказы и карательные меры диктаторской власти, тем искуснее становится подпольная работа свободомыслящих.

Я не верю в «освободительную эволюцию» советского строя. Но всем известно, что рабство никогда не бывает вечным.

В заключение я хочу сказать, что художники всех свободных стран ждут, чтобы свободное, но еще невидимое искусство, творимое в СССР, раскрепостилось бы и зацвело возможно скорей.

Ю. АННЕНКОВ

Николай Сергеевич Арсеньев родился 16 мая 1888 года, в Стокгольме (его отец был русским дипломатом), через семью отца и семью матери (Шеншины) был тесно связан с Москвой, Тульской и Рязанской губерниями. В 1910 году окончил Московский университет (историко-филологический факультет), с оставлением при университете для подготовки к званию профессора. Готовясь к магистерскому экзамену, в 1910-1912 годах слушал лекции в университетах Мюнхена, Фрейбурга и Берлина. По сдаче магистерского экзамена в 1913 году при Московском университете, был избран приват-доцентом этого университета по кафедре западноевропейской литературы.

С сентября 1914 года — на северо-западном фронте, помощником уполномоченного и уполномоченным Красного Креста. С сентября 1916 года — чтение лекций в Московском универ-

ситете, Высших женских курсах и в Университете имени Шанявского, по культуре и литературе Средних веков и Возрождения и по истории религий. С ноября 1917 года по конец февраля 1918 — на юге в Белой армии (Корнилов и Алексеев), затем вернулся в Москву и вновь читал лекции. Два раза сидел в тюрьме по подозрению в контрреволюции. В 1918 году избран профессором Саратовского университета. В марте 1920 года должен был бежать из России и в апреле перешел советско-польскую границу.

С ноября 1920 года — лектор русского языка в Кенигсбергском университете; там же в 1924 году получил степень доктора философии и стал доцентом, а затем профессором этого университета, по русской культуре и русской религиозной жизни. Одновременно с этим — доцент Рижского университета; с 1926 по 1938 год — профессор богословского факультета Варшавского государственного университета, по истории религий и Новому Завету.

В это же время — чтение отдельных лекций в различных западноевропейских университетах: в Лозанне, Берне, Оксфорде, Кембридже, Лондоне и других. С 1927 по 1937 год — член «Continuation Committee» Экуменического движения (Всемирный Союз Христианских Церквей).

В мае 1945 года переехал в Париж, читал лекции в Ecole des Hautes Etudes (Сорбонна) и в Католическом институте, о русской религиозной жизни и духовной культуре; чтение лекций также в Швейцарии и Бельгии. В 1948 году переезд в Нью-Йорк, где Н. С. Арсеньев состоит профессором Св. Владимирской православной духовной академии и одновременно профессором, по истории русской культуры, Монреальского университета (Канада).

Проф. Арсеньев опубликовал четырнадцать книг, из них ряд переведен на иностранные языки. После войны им были опубликованы: «La Sainte Moscou», Paris 1949; «Die Verklärung der Welt und des Lebens», Gütersloh, 1955; «Преображение мира и жизни», Нью-Йорк, 1959 (изд. Русского православного богословского фонда) и «Из русской культурной и творческой традиции», 1959 (изд. «Посев», Франкфурт на Майне).

Как трудно и как нежелательно **навязывать** что-нибудь молодежи, да и вообще кому бы то ни было, но особенно молодежи.

Мы так все малы перед Истиной, и так мало кто живет в согласии с той Истиной, которую он сам избрал и которую он «официально» внешне признает, что как-то трудно нам и как-то самонадеянно поучать друг друга. Другое дело, если вас спрашивают о том, чем вы духовно живете (хотя бы и недостаточно вы жили этим, а больше признавали это теоретически, как основу вашего мирозерцания), тогда вы должны отвечать, чтобы поделиться со спрашивающими вас, хотя бы той стороной, той частью Истины, которую вы пережили, которой вы прикоснулись духовно. Ваше свидетельство становится в таком случае для вас обязательным, вы не имеете права уклониться от него.

К чему я все это говорю? А вот к чему. Молодежь в значительной степени представляет собой новые вкусы, новый подход к жизни, новые отправные точки для решения ряда вопросов, новое чувство жизни, новое мироощущение в сравнении со старшим поколением. И это хорошо и должно быть так. И навязывать себя, свои вкусы, привычки, свои условности (вместо новых условностей, законных и даже нужных для своего времени) не стоит и не правильно.

Но одно нужно отметить: в одном — и решающем — мы, или вернее многие из нас, и здесь и там находящиеся, устремлены одинаково (если не на поверхности, то в глубине нашего существа; особенно

это становится, по-видимому, заметным среди многих и многих из нынешней молодежи в Советской России); мы спрашиваем себя или готовы спросить себя, или когда-нибудь, может быть, неожиданно спросим себя о смысле жизни. Чему служить, во имя чего жить? Есть ли и должен ли быть какой-нибудь основной смысл в том, что мы делаем? Для чего мы это делаем? Только ли для того, чтобы прожить, достичь известного успеха, личного или общего, известного положения и т. д., или существует некий основной и непреходящий смысл жизни, которым вся жизнь моя должна быть вдохновлена и для которого стоит и жить и умереть, которому стоит посвятить себя, для которого стоит и отдать себя? Смысл, который я готов признать выше себя и вместе с тем пребывающим неизменно, независимо от всех перемен жизни общественной и политической, независимо от всех превратностей моей внутренней жизни.

Другими словами: жажда Бога, жажда Правды Божией и служение ей — есть ли это что-нибудь, что хорошо для какого-нибудь данного исторического периода (хотя и немногие только осуществляют это в своей жизни и в этот данный период), или это важно, как осмысление жизни всегда, хотя лишь крайне неполно и несовершенно, хотя лишь порою, лишь изредка мы действительно осуществляем в себе эту жажду Бога и жажду Правды? И тем не менее, мы всегда живем духовно этим, хотя бы только издалека, только несовершенно прикасаясь к этому, но иногда вдохновляемся этим и иногда — в решающие минуты нашей жизни — пересматриваем в свете этой Высшей Правды всю свою жизнь и себя самих, и иногда — в эти высшие, решающие моменты нашей жизни (хотя бы и незаметно для вне стоящего) — действуем согласно этой Правде и выбираем ее, как конечное и высшее осмысление нашей жизни и жизни нашего народа и жизни всего мира.

Я заканчиваю. Вот о чем должно старшее поколение говорить молодежи (но не навязывая своих воззрений, а в ответ на ребром поставленный вопрос) — о Божьей Правде, о Боге. Но простите мое — может быть, странное для читателя — предположение: может быть, многие из молодежи оттуда, когда мы встретимся, будут нам говорить об осмыслении жизни через служение Правде Божией. Или вернее: и они и мы.

Перед лицом Вечной Правды, служение которой осмысляет и жизнь отдельного лица и жизнь народа, не играют большой роли различия возрастов, поколений, общественно-политической обстановки, техника или не-техника.

«Пожди еще: неволя недолга,

В одну любовь мы все сольемся вскоре»,

говорит поэт*), который в свое время проповедывал героическое служение освобождающей и творческой жизни Духа, Духа Божия, и добавляет (это относится уже только к грядущему концу истории и мирового процесса):

«В одну любовь, широкую, как море,

Что не вместят земные берега».

Вера в это, по моему глубокому убеждению, равно нужна и для старшего поколения и для молодежи. Кто кому ее даст, кто кого ей научит?

Думаю, что мы будем учиться друг у друга. Или вернее, Истина, которую мы ищем и которой мы жаждем, будет нас учить.

Николай АРСЕНЬЕВ

*) А. К. Толстой, 1817-1875.

Владимир Васильевич Вейдле родился в Петербурге 1 марта 1895 года. В 1916 году окончил Петербургский университет и был оставлен при нем профессором И. М. Гревсом для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей (средневековой) истории. Историей искусства занимался под руководством Д. В. Айналова.

С 1921 до весны 1924 года преподавал, в качестве доцента, историю искусства в том же университете и в Институте истории искусств.

Летом 1924 года выехал из России и поселился в Париже, где в 1932 году стал профессором Православного богословского института по кафедре истории христианского

искусства. Преполагает также в Европейском колледже в Брюгге (Бельгия).

В качестве литературного и художественного критика сотрудничал во многих зарубежных русских изданиях, а также в иностранной, особенно французской, периодической печати. Начал свою литературную деятельность еще в России, в журналах «Современный Запад» и «Русский современник».

Книги на русском языке: «Умирание искусства» (1937), «Вечерний день» (сборник статей, 1952), «Задача России» (1956); на французском: «Les abeilles d'Aristée. Essai sur le destin actuel des lettres et des arts» (1954). «La Russie absente et présente» (1949), Последние две книги переведены на английский, немецкий и испанский языки.

— —

ПОРА РОССИИ СНОВА СТАТЬ РОССИЕЙ

Первое и самое важное условие для этого налицо. Образовался новый, совершенно нового состава, строящий, мыслящий, ведущий общественный слой, — новое служилое сословие, наделенное энергией, умениями, знанием дела, преданностью интересам страны и еще не порвавшие связи с той крестьянской и рабочей средой, из которой оно вышло. Это не люди, делавшие революцию, а люди, сделанные ею. Им, и особенно новому, молодому поколению их, принадлежит будущее. От

них зависит, будет ли оно достойно прошлого, оправда-ет ли революцию, всю кровь, пролитую ею, исполнит ли обещания, свидетелями которых были мы, — не братья, не отцы, а скорее деды этих людей, — когда их еще не было на свете, в начале нашего столетия. Мы можем им сказать одно, то самое, что и сами они все больше чувствуют и знают: путь к будущему ведет через воссоединение с прошлым, через восстановление нарушенной революцией преемственности. Плечистый недоросль СССР должен вновь овладеть отнятым у него прошлым; тогда он станет вновь Россией — той, что выросла в Европу тысячелетней своей историей.

Дореволюционная Россия была частью Европы, хотела быть и была европейской страной. В начальные ее времена никакое средостение не отделяло ее от тогдашнего западного мира. Только разгром Константинополя крестоносцами и последовавшее вскоре татарское нашествие привели к боязни «латинства» и к тому отчуждению от остальной Европы, которое наложило на Московское Царство такую тяжелую печать. Но и в течение этих четырех с лишним веков отчуждение было менее полным, чем обычно думают, а главное, после того, как оно кончилось, очень скоро стало ясно, что преодолев его, Россия обрела подлинный свой путь, который именно отчуждение ей и преграждало. Реформа или вернее революция, положившая ему конец, была свирепа, была разрушительно груба, но направлена была верно и Герцен был прав, говоря, что Петр бросил вызов России и что она ответила ему Пушкиным. До Пушкина еще, она ответила образованием литературного языка, нового стихосложения и усвоением всех тех западных начал, что легли в основу новой литературы, новой музыки, нового искусства, новой науки и мысли — всего цветения духовной жизни в петербургский период ее истории. Мы в этой петербургской России родились. Мы — очевидцы ее конца, но и ее последнего расцвета.

Названо было это время «серебряным веком», хоть и продолжался он, как и пушкинский «золотой», всего лет двадцать, но вычеркнуть эти двадцать лет из нашей истории нельзя. Ими завершены и увенчаны ее лучшие два столетия; эти двадцать лет искупили и затмили те немного тусклые годы, что предшествовали им. Все тогда обновилось или начало обновляться, как хозяйственная, материальная жизнь, так и другая, та, для которой только и стоит жить. Обновилось политическое сознание общества и религиозное сознание церкви, обновились университеты и университетская наука, обновилась философия, литература, музыка, театр, все виды искусства. И все это обновление происходило под знаком окончательного соединения с духовной жизнью Западной Европы, причем и теперь, как и в пушкинские времена, это отнюдь не вредило, а напротив, помогало укреплению национального чувства и познанию собственного прошлого. «Открытие» новейшей французской живописи подействовало «открытию» древне-русской иконы, подобно тому, как деятельное и живое изучение западной истории углубило понимание московской и киевской Руси. Паломничества на Запад, к его святыням, к его старинным городам учили понимать Новгород или Владимир; наши поэты и живописцы находили новые пути, сближаясь с западной живописью и поэзией. Те, чья юность пришлась на это время, помнят, что оно было временем подъема всех духовных сил, давшим России очень много и обещавшим дать еще гораздо больше в будущем.

Будущее это не состоялось. Но то, что его готовило, то, что цвело, все-таки не было одним ударом сведено на нет в октябре семнадцатого года. Таких внезапных прекращений духовная жизнь и вообще не знает, да и невежественная власть с твердолобой своей идеологией не сразу научилась эту ненавистную ей жизнь успешно вытравливать. До середины двадцатых годов не раз вспыхивала она пламенем достаточно ярким, а потом

теплилась, правда, все слабей, еще лет около десяти. Искры вылетали из-под пепла и позже, вылетают и теперь — чаще даже, гораздо чаще, чем еще недавно — и все это, если всмотреться, искры того самого, когда-то горячего и яркого костра: стоит прорыться сквозь золу, и он будет гореть, будет согревать, как прежде. Не мешает, однако, и вспомнить, что не весь его жар и свет тут и погребен под золой в родной земле. Немало увезено было уже давно в чужие края и не все из этой доли погасло и остыло безвозвратно. Наш серебряный век, хоть и очень ущербленно, но все же продлился во многом из сделанного за рубежом, и для восстановления преемственности все это столь же необходимо учесть, как и все, чем удалось его продлить на его старом пепелище.

Восстановить преемственность, воссоединиться с прошлым можно, лишь начав с прошлого самого недавнего. Несмотря на все препятствия, на все окрики сверху, люди, что помоложе, превосходно это поняли у нас. Не со вчерашнего дня множатся признаки живейшего интереса в новом ведущем слое и особенно среди университетской молодежи к литературе, мысли, искусству именно этого сугубо запретного и черней всех других оклеветанного времени. Знать ей о нем не велят, прячут его за таким, например, чумазым заслоном, как десятый том «Истории русской литературы», изданный Академией наук, должно быть, по поручению заседающего в Чухломе «Общества по изучению древностей Пошехонья». Стоит перелистать его, чтобы понять, какой огромный труд предстоит тем, кто пожелает восстановить связь как раз с самым нужным, с самым нашим недавним, но подлинным, а не препарированным по давно всем надоевшим, но все еще обязательным рецептам прошлым. Однако там, где истина всего сильнее искажена, там и больше всего смысла работать над восстановлением истины. Нигде в нашем прошлом не найдется столько пищи для будущего, как в этих оболган-

ных блюстителями казенного правоверия, несчастных во многом, но славных и памятных годах.

Возврат к прошлому невозможен. Но именно потому, что в новом поколении и мысль о таком возврате никому в голову не придет, преемственность может и должна быть восстановлена. Не с московской, разумеется, Русью, не с опричниной, не с боязнью нового и чужого, не с готовностью к вечному повторению пройденного — всего этого у нас и так хоть отбавляй, — а с Россией петербургской сквозь то время, когда была оборвана необходимая и естественная с нею связь. И тут тоже, конечно, не с тем, о чем нам все эти годы постоянно напоминали: не с Аракчеевым, не с крепостным правом, не с дубиной Петра и шпицрутенами Николая Первого, не с квасным патриотизмом, не с шестидесятническим варварством в области искусства и литературы, а со всем лучшим, что в ней было и что теперь зарыто, забыто, оклеветано, искажено. Да и вся в целом ее история, и только она одна, может и должна научить самому трудному, самому нужному: тому, как ее продолжить. А продолжить ее н а д о, после того как, вот уже сорок с лишним лет, не продолжали ее, а ей изменяли, предавая ее, зачеркивая ее смысл.

Петербургская Россия воссоединила Московию с Западом, завершила единство Европы, утвердилась в ней, приобщила ее духовному богатству и приумножила его от собственной своей полноты. Нынешняя, если хочет ей наследовать, должна заново прорубить окно — не в Европу даже, на первых порах, а в свое близкое, родное, но на половину неведомое ей, украденное у нее прошлое. Соединясь с ним, как того ищет пореволюционное молодое поколение, она соединится и со всем другим, что от нее прячут и калечат: с европейским прошлым, столь же нужным ей, как и свое, и с европейским настоящим, для построения единого для России и Европы будущего.

Чтобы это случилось, нужно вымести сор из избы, убрать гнездящуюся по углам путаницу и мертвечину, выбросить за окно отрепья давно исчерпавшей себя, давно уже беспредметной идеологии. Срок для этого настал. Люди для этого есть. Пора нашей стране очнуться, прозреть, пора зажить на ветру, а не взаперти, новой, зрячей, полноценной жизнью.

Путь для вас, внуки, открыт. Пора России снова стать Россией.

В. ВЕЙДЛЕ

Борис Константинович Зайцев родился 29 января 1881 года в Орле. Среднее образование получил в Калуге, затем учился в Горном институте и Московском университете, но не окончил их, приступив к литературной работе.

Первый его рассказ появился в 1901 году в московской газете «Курьер». Рассказ «Волки» (1902) открыл ему путь в журналы. Тогда же Б. К. Зайцев вошел в литературный кружок «Середа» (Андреев, Бунин, Вересаев и другие; наездом в Москву Чехов, Горький).

В 1906 году в издательстве «Шиповник» вышла первая его книга — «Рассказы»; тогда же начал печататься в альманахах «Шиповника» и главных журналах того времени, вы-

пускал и другие книги своих рассказов. В 1913 году вышел первый роман — «Дальний край».

Революция захватила Б. К. Зайцева в имени отца под Москвой. В 1922 году, после сыпного тифа, получил разрешение выехать с семьей за границу, для восстановления здоровья. Жил в Берлине, в Италии; с 1924 года поселился и живет постоянно в Париже.

В 1922 году в Берлине вышло собрание сочинений Б. К. Зайцева в шести томах («Тихие зори», «Сны», «Усадьба Ланиных», «Земная печаль», «Голубая звезда», «Италия»). Кроме этих книг, с 1924 по 1954 год в зарубежье были изданы следующие его книги: «Преподобный Сергей Радонежский», «Рафаэль», «Дальний край», «Улица св. Николая», «Странное путешествие» (рассказы), «Афон», «Анна», «Золотой узор» (роман), «Жизнь Тургенева»; автобиографическая тетралогия — «Путешествие Глеба», «Тишина», «Юность» и «Древо жизни»; «Валаам», «Москва»; «Жуковский», «Чехов» (биографии). Многие из этих книг были переведены на иностранные языки, в том числе на японский.

Быть может, позволительно тем, кому не увидать уже «все небо в алмазах», т. е. «старшим», пожелать чего-то русской ищущей и горячей, даже в блужданиях своих, молодежи.

«Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение. . .» Это не только для молодежи: это для всех: «в человеках благоволение». Значит: доброе расположение.

Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его! Ах, как важно, чтобы Человек, живой, свободный, то, что называется личностью, не умирал. Пусть думает он и говорит своими думами и чувствами, собственным языком, не заучивая прописей, добиваясь освободиться от них. Это не гордыня сверхчеловека. Это только свобода, отсутствие рабства. Достоинство Человека есть вольное следование пути Божию — пути любви, человечности, сострадания. Нет, что бы там ни было, человек человеку брат, а не волк. Пусть будущее все более зависит от действий массовых, от каких-то волн человеческого общения (общение необходимо и неизбежно, уединенность полная невозможна и даже грешна; «башня из слоновой кости» — грех этой башни почти в каждом из «нашего» поколения, так ведь и расплата же была за это), — но да не потонет личность человеческая в движениях народных. Вы, молодые, берегите личность, берегите себя, боритесь за это, уважайте образ Божий в себе и других и благо вам будет.

Вы, молодые писатели родины, вступающие на наш путь, оглядывайтесь на великих отцов ваших, создавших истинную славу России: на золотой наш литературный век, на облики Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова — художников вольного слова, открытого всем сердцам, ибо братски открыты были их сердца. Ни указки, ни палки! Вольное излияние, обуздываемое лишь самим собою, проверяемое, обрабатываемое (не щадя сил, подобно тому, как работал Толстой над «Войной и миром», Гоголь в Риме над «Мертвыми душами»). В тишине, незаметности возросло великое, на раскладном столе римской комнатки Via Felice писались эти «Мертвые души», за гроши продавал Достоевский мировые свои вещи до прихода мировой посмертной славы.

Любите наше дело. Если вы писатели, для вас главное — любить писание, и самим над ним и мучиться, и радоваться, ни с кем, ни с чем не считаясь.

Вот мои слова к вам, неведомые сотоварищи, неведомое юношество России. Никаких открытий, ничего необычайного. Но есть правда, хоть и известная, а повторять ее следует.

Посылаю эти слова в чувстве благоволения, не как поучение какое-то, а как братское обращение старшего.

Бор. ЗАЙЦЕВ

Лев Александрович Зандер родился в 1893 году, высшее образование закончил в 1913 году и готовился к дипломатической карьере, но бросил подготовку к ней, увлекшись занятиями философией. До начала первой мировой войны учился в Гейдельберге, затем преподавал в Пермском университете и Дальневосточном (Владивосток). С 1922 года — в Западной Европе, сначала в Праге, а с 1925 года — в Париже, где состоит профессором Богословского института. Руководитель христианского движения среди русских студентов за границей; участник движения по сближению христианских церквей. В мае этого года Марбургский университет избрал Л. А. Зандера почетным доктором православия.

Автор большого числа статей по вопросам религии, философии, педагогики, и книг: «Тайна добра» (религиозная фи-

лософия Достоевского), «Бог и мир» (миросозерцание о. Сергия Булгакова), «Об экуменическом движении» (в двух томах), — последняя книга вышла только на английском и немецком языках, первая на русском, французском, английском и немецком; вторая — на русском языке.

Вы выросли в стране, в которой официально отменили веру в Бога и объявили целью жизни материальное благополучие человека. Вас уверяли в том, что атеизм — истина, что наука не совместима с религией, что цели человеческой жизни конечны и достижимы.

Может быть, вы этому поверили и продолжаете верить; но вернее, что в вашей душе остается сомнение: не является ли все это мировоззрение просто частью партийной программы? Соответствует ли оно действительно той большой науке, которая неустанно и честно ищет истины, и не есть ли оно продукт малой учености, выполняющей социальный заказ власти? Может ли человек удовлетвориться конечными земными целями? А достигнув их, осуществив «равенство всеобщей сытости»,*) не станет ли он жертвой безысходной и безнадежной скуки? . . .

Если эти мысли возникали в вашем сознании и стали тревожить ваше сердце, то вы уже вышли на дорогу исканий: вы переросли ребяческую стадию «веры в со-

*) выражение Владимира Соловьева.

циализм», которая по своей психологической и социологической структуре является псевдоморфозой религии, то-есть попыткой удовлетворить религиозную потребность идеалами, лишенными религиозного содержания.

На этом пути вы не одиноки; им шли многие до вас, и их опыт, запечатленный в ученых трудах, проверенный подвигом жизни, может послужить и вам: не как указка и руководство (ибо в духовной жизни каждый идет своим собственным путем, не повторяя и не подражая другому), а в качестве того духовного материала, которым вы можете воспользоваться, строя свое мировоззрение и жизнь.

Общая магистраль духовного развития как России, так и Запада неизменно ведет современную мысль «от марксизма к идеализму»*) и от отвлеченной философии к положительной религии. Путь этот — долгий и трудный — сопряжен со многими опасностями, на некоторые из коих я хотел бы вам указать (ибо всю свою жизнь о них думал и их изучал).

Главная из них заключается в нашей несчастной склонности абсолютизировать все наши мысли и восприятия: разочаровавшись в какой-либо идее, мы сразу же отбрасываем ее всю, целиком, забывая, что «нет такого заблуждения, которое бы не содержало в себе доли истины».**) В таком случае название той или иной системы или мировоззрения воспринимается нами почти как ругательство и становится «жупелом», которым мы без разбору обозначаем все, что нам не нравится. Нет ничего более элементарного, непродуманного и грубого, как бросаться такими словами, как социализм, капитализм, идеализм, реакция, поповство и т. п. Обыкновенно подобные слова-лозунги теряют всякое логическое со-

*) заглавие книги С. Н. Булгакова, полностью прошедшего этот путь и запечатлевшего его этапы в ряде ученых исследований.

***) слова Владимира Соловьева.

держание и служат простыми сигналами для возбуждения враждебных эмоций.

На самом деле вопрос оказывается гораздо сложнее и дифференцированнее; так переход от «марксизма к идеализму» означает разочарование в марксизме, как целостном мировоззрении, претендующем охватить и объяснить все стороны жизни, а отнюдь не отказ от тех бесспорных положительных элементов, которые марксизм в себе заключает. То же относится и к идеализму (который, вместе с родственным ему романтизмом, часто употребляется в поносительном смысле представителями односторонней и исключительной церковности); идеализм неприемлем, как философская система, претендующая на абсолютную истинность, присваивающая себе право последнего суждения (Гегель, *Kulturphilosophie*). Но из этого никоим образом не следует, что отказ от идеализма должен быть связан с отрицанием Платона и Канта, реальности идей и критики познания. . .

В еще большей степени это относится к религии. Нет ничего более ложного, как противопоставлять религию, как правду о небе, иной правде: о земле. Религия охватывает собой все: и небо и землю. Само слово «*re-ligio*» означает связь: Бога и мира, Творца и творения, неба и земли, вечного и временного, абсолютного и конечного. Христианство есть религия богочеловечества и богочеловечности, религия близости Бога к человеку и человека к Богу. Превращать христианство в одну только заботу о загробном существовании, исключать из него всю полноту земных задач — значит исказить ученье Христа, спиритуализировать его сущность, забывая, что весь человек, а не только его духовная сторона, есть образ Божий, и в качестве такового достоин любви, заботы и достойного существования.

Говоря о всеобъемлющей природе Христа, мы подходим к другой опасности, которая встречает нас на пути духовного развития и которая кажется нам более тонкой, чем простое неверие. Ибо последнее не может быть

все время отклоняемся то в одну, то в другую сторону и подаем повод к соблазнам как тем, кто обвиняет нас в языческом отношении к миру, так и тем, кто возмущается нашим равнодушием. . . к тому же миру.

Еще более остра эта опасность для тех, кто только ищет веры и издалека присматривается к церкви. Феноменология религиозной жизни, те исторические кристаллы, в которые она отливается (богослужение, таинства, обряды, иерархия. . .), являются для них просто лишеными смысла; и только присущая им красота может привести их к мысли, что за этими внешне непонятными формами скрывается единственное по своей глубине и мудрости содержание. С этой опасностью можно и должно бороться: надо только помнить, что Церковь тысячелетиями впитывала в свою жизнь все культурные богатства мудрости и красоты и что поэтому ее парчевый покров внешне не похож на простоту проповеди галилейских рыбаков. Но с другой стороны мы должны помнить, что содержание этой проповеди осталось тем же и что вся красота красок, звуков и форм по существу говорит нам о том же: о любви к Богу и о любви к человеку.

Особенно важно помнить об этом тем, кто почувствовали себя призванными, переступили порог и оказались внутри церковной ограды. Как часто забывают они о тех, кто еще бродит около церковных стен! Как часто самоутверждаются они в своем благочестии и горделиво смотрят на тех, которые еще сомневаются и ищут!

Для русской молодежи, воспитавшейся в догматах марксизма, величайшей опасностью является замена одной системы мысли другой «системой» — бесконечно более глубокой, но живой и животворящей только в том случае, если она не оторвана от того живого Источника, от того творческого Начала, для коего она — только проводник и истолкование. Путь в Церковь есть путь в Жизнь — в жизнь, полную радости и мудрости.

Эта жизнь противостоит смерти, как свет — тьме. О победе же жизни над смертью и света над тьмою нам поведано в первых же словах благовестия Иоанна:

в Нем была жизнь
и жизнь была светом для людей
И свет во тьме светит
И тьма его не объяла.

Л. ЗАНДЕР

Василий Васильевич Зеньковский родился в 1881 году, в семье педагогов. Окончив естественный факультет Киевского университета, поступил на историко-филологический факультет и был оставлен при университете профессорским стипендиатом по кафедре философии. В 1910 году начал читать лекции по психологии и философии на Высших женских курсах; в 1912 году, по сдаче магистерского экзамена, был назначен доцентом Киевского университета по философии. В 1915 году, в Москве, защитил диссертацию и получил ученую степень магистра, после чего был назначен экстраординарным профессором Киевского университета.

В декабре 1919 года выехал из России и поселился в Белграде, где читал лекции на философском и богословском

факультетах. В 1923 году был приглашен в Прагу в Высший педагогический институт. 1926-1927 годы провел в Америке. С 1927 года — профессор Св. Сергиевской духовной академии в Париже; с 1944 года и по настоящее время декан этой академии.

С 1923 по 1927 год стоял во главе Педагогического бюро по делам русской зарубежной школы; с 1923 и по нынешний день — председатель Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом.

С 1942 года — священник.

Напечатал много статей в русской и иностранной прессе, издал ряд трудов: «Проблема психической причастности» (магистерская диссертация), Киев 1915; «Гоголь Н. В.», в «Христианской мысли», 1916-17; сборник «Православие и культура», Берлин 1922; «Психология детства», Берлин 1923; «Русские мыслители и Европа», 1929, второе издание — 1953; «Вопросы восприятия в свете христианской антропологии», Париж 1935; «Menchenbild in Ostkirche», 1953; «Zur Geschichte der aestetischen Ideen in Rußland im XIX—XX Jahrhundert», 1953; «История русской философии», т. I—II, Париж 1948—1950; «Апологетика», Париж 1957. Некоторые из его книг переведены на иностранные языки.

Я рад, что имею возможность обратиться к русской молодежи — далекой, незнакомой, но тем более дорогой. Хотя я очень давно покинул Россию, но никогда не переставал жить ее темами — отсюда и выросли мои кни-

ги, посвященные России («Русские мыслители и Европа», «История русской философии» т. 1-2). Это погружение в великое наследие прошлого России охраняло мою связь с нею во все годы изгнания, — а близкое знакомство с Западом только усиливало во мне сознание русского своеобразия, сознание особых путей России.

Я люблю Запад, слежу с глубоким интересом за всеми его идейными течениями, но тем отчетливее я сознаю основную неправду в западной культуре, от которой страдала, да и ныне не мало страдает и русская мысль. Эта неправда Запада заключается в системе секуляризма, т. е. в отрыве всех видов творчества (науки, философии, морали, искусства, экономики) от Христа, от Его правды. Запад вовсе не забыл о благовестиях Христа, на Западе и сейчас есть много глубоко верующих людей, есть удивительные духовные искания, но культура Запада давно уже строится в независимости и даже сознательном противлении всему тому, что принес в мир Христос. Ядовитое дыхание секуляризма глубоко отравило западных людей, — и это сознают многие западные мыслители. Но как вернуть культуру к ее исходным христианским вдохновениям?

Вопрос этот стоит не только перед Западом, но и перед Россией. Мы не можем и не смеем совсем отделяться от Запада, — и Достоевский был прав, когда говорил, что у русских людей две родины — Россия и Запад. Мы были едины с Западом в то далекое время, когда и Запад и Россия усваивали наследство античного мира. Мы были едины с Западом и тогда, когда Петр Великий «прорубил окно в Европу», и когда русские люди стали жадно усваивать то, что сложилось к этому времени на Западе. Но усваивая западную культуру, мы стояли и стоим перед вопросом, что МЫ можем

и должны внести от себя в мировую культуру? Мы не можем не сознавать, что русская душа, при всей ее близости к душе западной, все же во многом отлична от нее. Но в чем? Как найти нам наш русский путь? Конечно, сейчас, когда в России подавлена свобода, ее внутренний мир формируется как бы «под спудом», но нельзя не верить, что Россия выйдет наконец на путь свободного развития, и тогда перед ней встанет во всем объеме вопрос о путях русской жизни.

Мне хотелось бы со всей силой предостеречь русскую молодежь от равнодушия, а тем более от враждебного отношения к Западу. Коренное наше родство с Западом не может, не должно быть забыто; наш русский путь не против Запада, а вместе с ним. Единство наше с Западом не есть только единство в исходной основе — в христианстве, но единство наше заключается и в том идеале, который заложен в душах людей Христом. Если западное христианство во многом шло (в средние века) неверными путями, чем породило разбегающиеся по всем направлениям течения протестантизма и так называемую «нейтральную», т. е. безрелигиозную, а потому часто и антирелигиозную культуру, — то все же дух Христов не угас на Западе.

Наш исторический путь был иным, так как он был связан с православием, которое избегло неверной и вредной централизации церковной власти, сохранило в себе дух свободы. Избегло Православие и всего того, что принес с собой протестантизм с его религиозным индивидуализмом. Православный Восток всегда открывал простор для национального начала, православные богослужения всюду совершаются на местном языке, — что освободило нас от языкового униформизма, который на Западе так долго мешал развитию национальных культур.

Самое главное — нам дорого начало соборно-

сти: мы ценим единство, но в свободе; соборность есть свободное единство — оба эти начала вместе и создают соборность. Соборность есть не только условие творческого развития, но соборность преодолевает индивидуализм, т. е. погружение каждого в свою отдельную жизнь. Но соборность не есть просто коллективизм, а есть сочетание братства и свободы — и именно соборность должна быть внутренне связана с Церковью, с ее благодатными силами. Соборность, связывая нас с Церковью, охраняет нас от современного распада культуры на отдельные («автономные») сферы творчества.

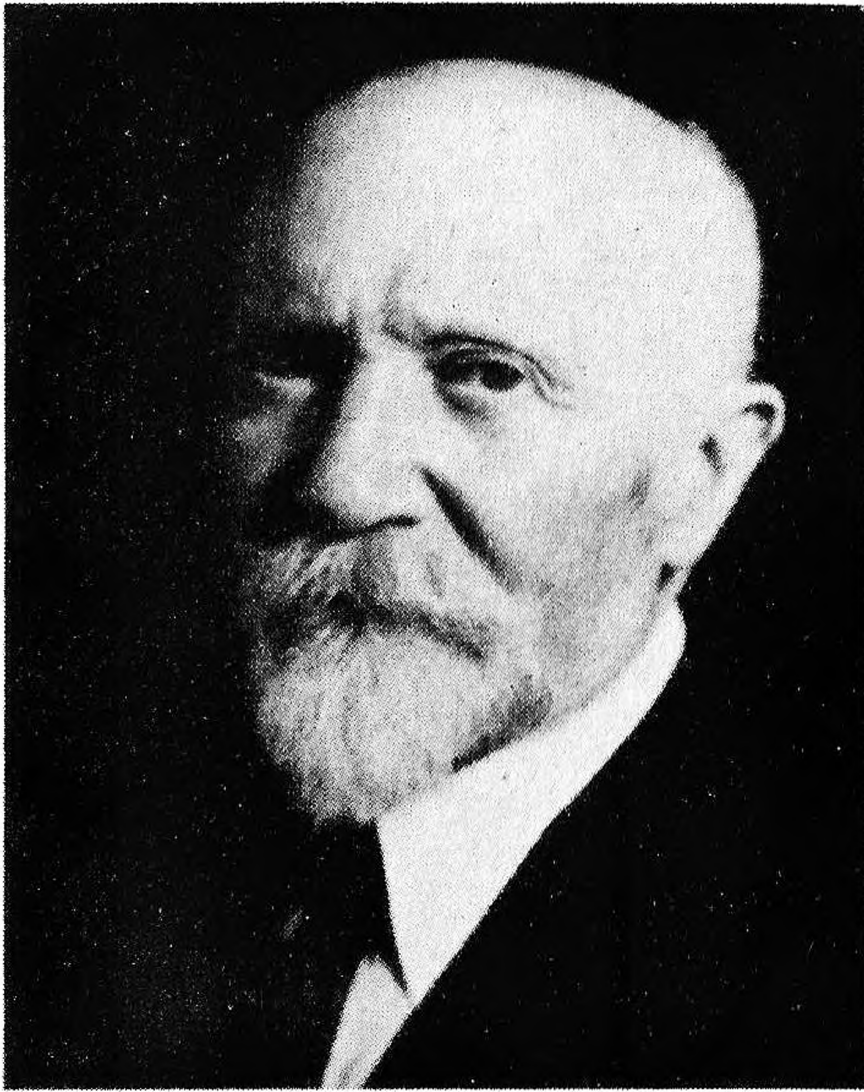
Россия и призвана явить миру всю правду Православия, вернуть веру в человека. Эта вера в человека была утрачена на Западе ещё блаж. Августином (V век), она была окончательно погребена Лютером и Кальвином. А у нас, где в центре религиозной нашей жизни стоит праздник Пасхи, у нас именно в пасхальных переживаниях, когда мы обнимаем всех, как братьев, мы находим подлинное откровение о человеке, укрепляем нашу веру в человека. В пасхальных переживаниях и весь мир сияет, оттого и говорим мы о «пресветлом Православии»: любовь к миру, радость о мире, жажда внести в мир свет и любовь и есть самое драгоценное, что несут нам пасхальные переживания.

Скажем прямо и откровенно: вся надежда в том, что наше Православие, когда русская жизнь вновь станет свободной, вызовет к жизни новый стиль, новый тип культуры. Вся надежда в том, что Православие принесет свой свет и на Запад — не для того, чтобы там забыли то ценное, что было в истории Запада, но чтобы Запад обрел в Православии единство культуры и Церкви, единство творчества и жизни.

Россия призвана явить миру то, идеал чего жил и живет в русской душе — явить движение к братству людей, к социальной правде, к творческой свободе. Россия

нуждается для этого не только в той внешней свободе, которой она лишена сейчас, но она нуждается в творческом вдохновении, которое она найдет лишь в Церкви. Без всякого самопревознесения мы можем сказать: будущее мира зависит от того, сможет ли свободная Россия воплотить в жизнь — и для себя и для всего мира — всю ту правду, которой жило и живет Православие.

В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

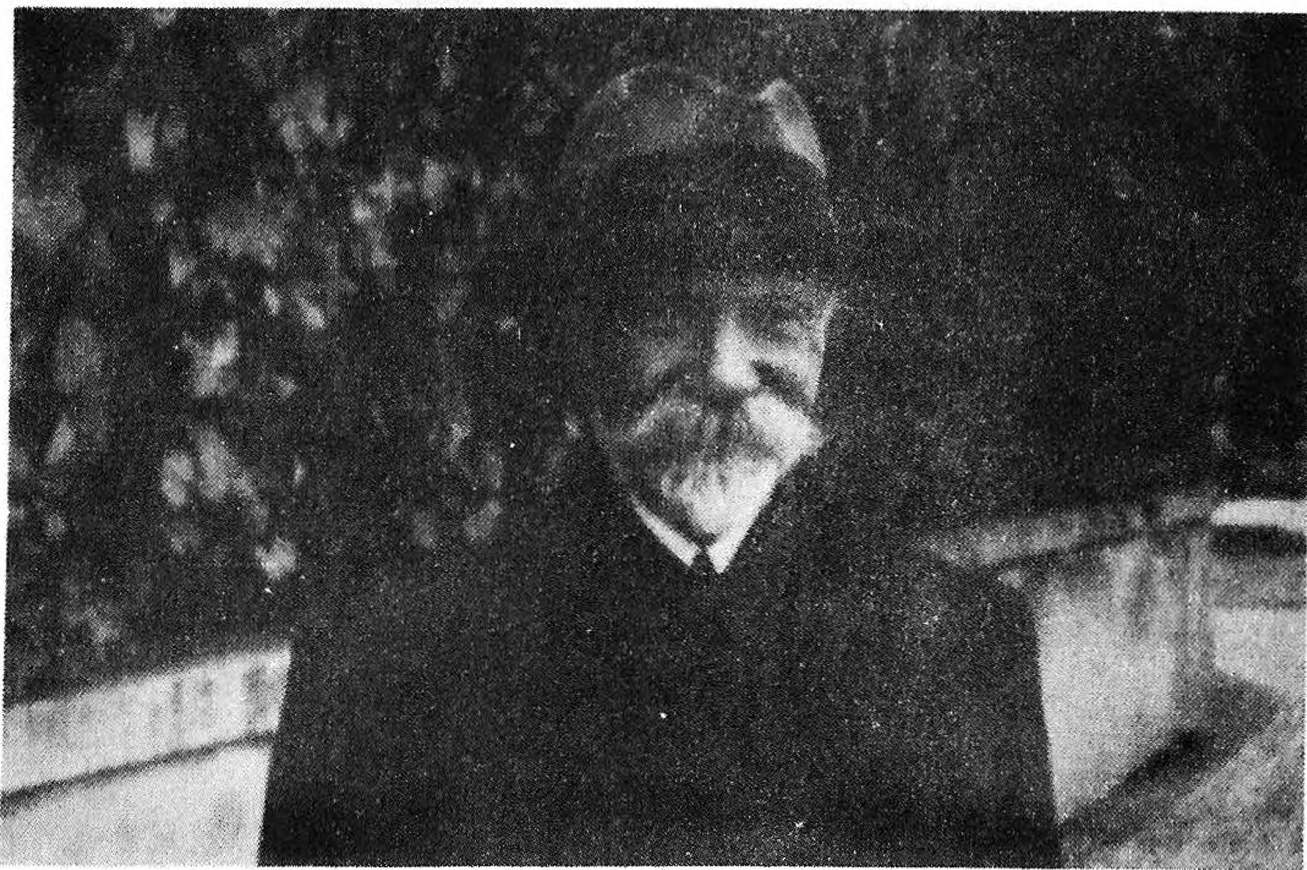

Николай Онуфриевич Лосский родился 6 декабря 1870 года в местечке Креславке Витебской губернии. Высшее образование получил в Петербургском университете на естественно-научном отделении физико-математического факультета и на историко-филологическом факультете. В 1903 году получил степень магистра философии, за диссертацию «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма»; степень доктора философии — в 1907 году, за диссертацию «Обоснование интуитивизма».

Н. О. Лосский был профессором философии на Бестужевских Высших женских курсах и в Петербургском университете. В 1922 году советское правительство выслало из России 120 ученых, писателей и общественных деятелей, как лиц, не принимавших марксистской идеологии, — в их числе был выслан и Н. О. Лосский.

До 1942 года жил в Праге, был профессором в Русском университете, с 1930 года — лектором по истории русской философии в чешском Карловом университете. В 1942 году, после превращения Гитлером Словакии в самостоятельное государство, был приглашен в Братиславу, профессором философии. В 1945 году переехал в Париж, в 1946 году — в США к младшему сыну. В 1950-1953 годах был профессором философии в Св. Владимирской духовной академии в Нью-Йорке, затем, вместе с сыном, переехал в Лос-Анжелос.

Н. О. Лосский — автор многих трудов по гносеологии, логике, метафизике, этике; часть из них вышла и на иностранных языках. Кроме того, он автор многих статей, напечатанных в русской зарубежной и иностранной прессе.

Н. О. Лосский на прогулке. Любительский снимок.

До весны 1921 года я был профессором философии в С.-Петербургском университете. Четыре года я мог продолжать при большевицком правительстве свою профессорскую деятельность с таким же содержанием, как и до революции. Меня и многих других профессоров удалили из университета в 1921 году, когда большевики подготовили свои кадры «красных профессоров».

В 1922 году в России было арестовано более 120 ученых, писателей и общественных деятелей, — в том числе и я. Мы были обвинены в том, что «не примирились с советской властью и во время внешних затруднений усиливали свою контрреволюционную деятельность». Все мы были приговорены к изгнанию из России с правом взять с собой семью. Расстрелять нас или замучить в концентрационных лагерях советское правительство не решилось потому, что арестованные пользовались известностью в Западной Европе, а советское правительство в это время хотело быть признанным *de jure* Великобританией, Францией и другими государствами. После изгнания я с семьей жил в Праге до 1942 года, пользуясь поддержкой чехословацкого правительства. В 1942-1945 годах я был профессором философии в Братиславе в Словакии. В 1946 году я переехал в Соединенные Штаты к своему младшему сыну Андрею, профессору истории Европы в Калифорнийском университете в Лос-Анжелосе.

Мною выработана система философии, которую я называю персоналистическим идеал-реализмом. Мой пер-

сонализм есть учение о том, что весь мир, сотворенный Богом, состоит из личностей, или действительных, как, например, человек, или, по крайней мере, потенциальных, т. е. способных, развиваясь, стать действительными личностями. Идеал-реализм есть учение о том, что реальное бытие, т. е. события, имеющие форму времени (психические процессы), а также события, имеющие пространственно-временную форму (материальные процессы), творятся личностями сообразно идеям (в смысле философии Платона).

Перечислю некоторые из написанных мною книг: Обоснование интуитивизма; Логика; Мир, как органическое целое; Свобода воли; Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция; Бог и мировое зло; Достоевский и его христианское миропонимание; Условия абсолютного добра; Характер русского народа; Общеизвестное введение в философию.

Особенно я хотел бы обратить внимание молодежи на следующие свои работы: Персонализм против материализма (журнал «Грани», № 27-28, 1955); брошюра «Диалектический материализм в СССР», 1934; Критика диалектического материализма (в сборнике «Судьбы России», Нью-Йорк, 1957); От диалектического материализма к идеал-реализму (в сборнике «Вольная мысль», Нью-Йорк, 1957); Ответ советским критикам «Истории русской философии» (Грани № 30, 1956); Ермилов и Достоевский (Грани № 33, 1957); Характер русского народа, изд. «Посев»; Какой идеал противопоставить коммунизму? («Новый Журнал», № 37, 1954); О возникновении и смысле русской революции (Грани № 25, 1955).

Статьи о возникновении революции и об идеале государственного строя посвящены вопросам, занимающим умы молодежи в России и в наше время. В России растет оппозиция режиму коммунистической диктатуры. Даже и те молодые люди, которые не знают современной жизни культурных государств, не могут одобрять режима СССР, если у них чуткая совесть: они, конечно,

питают отвращение к лживости правительства; они ежедневно наблюдают официальную проповедь гуманизма и в то же время противоречащую ей бесчеловечную, бессовестную практику государственной жизни. В России, думаю я, происходит теперь то явление, которое блестяще изображено в романе Тургенева «Отцы и дети», именно расхождение между мировоззрением детей и отцов, но только в обратном порядке. Теперь молодые люди, вероятно, задают отцам вопрос: «Зачем вы делали революцию?!» Слишком ясно, что после ограничения самодержавия в 1905 году, Россия могла эволюционным путем свободно, без насилий преодолеть недостатки своего государственного и общественного строя.

Осуждение режима СССР может возникать в душе отдельных лиц независимо друг от друга, но для борьбы за более совершенный режим необходимо выработать идеал его и привлечь к этому идеалу многих лиц. Свободы мысли и организации союзов в СССР нет. Поэтому борьба с советской диктатурой особенно затруднена, и для содействия ей, например, для обсуждения вопроса об идеале государственной и общественной жизни, полезна помощь лиц, пользующихся свободой мысли и выражения ее. Этой проблеме посвящена моя статья «Какой идеал противопоставить коммунизму?», и я займусь кратким изложением содержания ее.

Свою статью я начинаю ссылкой на Декларацию Прав Человека, принятую Общим Собранием Объединенных Наций 10 декабря 1948 года в Париже. Права эти перечислены в тридцати параграфах. Из них я приведу лишь следующие выдержки: свобода мысли, совести и религии (в § 18); свобода мнения, выражения его и информации (в § 19); свобода мирных собраний и ассоциаций (в § 20); право участия в правлении своей страны, прямого или посредством свободно избранных представителей; в основе авторитета правительства дол-

жна быть воля народа; эта воля должна получать выражение в периодических выборах путем всеобщего, равного и тайного голосования (в § 21); каждый член общества имеет право на социальное обеспечение и на реализацию экономических, социальных и культурных прав, необходимых для его достоинства и свободного развития его личности (в § 22); право на обеспечение в случае безработицы, болезни, немоги, вдовства, старости и т. п.; материнство и детство дают право на специальную охрану и помощь (в § 25); право на образование (в § 26).

Государственный строй, дающий надежду на воплощение в жизнь Декларации Прав Человека, есть демократия, разумея под этим словом содержание параграфа 21 Декларации. Советское правительство утверждает, что СССР есть демократия, основанная на воле народа, участвующего в правлении государством посредством свободно избранных представителей. Это утверждение есть одно из проявлений беззастенчивого лицемерия советского правительства: граждане СССР знают, что свободных выборов у них нет; им приходится голосовать за кандидатов, назначенных правительством.

Приведенное в § 21 определение демократии указывает лишь форму государственного строя, и мы знаем, что она может наполняться крайне различным содержанием, иногда далеким от прав, указанных в Декларации, и не обеспечивающим благо народных масс. Тем не менее эта форма в высшей степени ценна: она дает возможность политического воспитания народных масс. Формальная демократия может наполниться демократическим, т. е. благоприятным для народных масс содержанием при условии политического воспитания народа, при внимательном наблюдении за деятельно-

стью членов законодательных палат, при деятельном участии в выборах и т. п. условиях.

Процесс политического воспитания народов совершается медленно, но все же он совершается, и высококультурные демократии, такие как Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Франция, Швейцария, Швеция и т. п. развиваются в направлении строя, заслуживающего названия «государство благоденствия» (welfare state). Правила „laissez faire, laissez passer“ и «всякий за себя, а Бог за всех» все более теряют силу в наше время, потому что людей, могущих попасть в трудное положение, из которого нельзя выйти без общественной или государственной помощи, очень много и, научаясь умело пользоваться правом всеобщего, равного и тайного голосования, они постепенно будут добиваться, чтобы Декларация Прав Человека была осуществлена в действительности.

Московские марксисты говорят, что «монопольный капитализм» определяет всю внутреннюю и внешнюю политику Соединенных Штатов Америки. Они в целях пропаганды закрывают глаза на то, что такое господство капитала не существует в наше время в культурных демократиях. Стоит только вспомнить сталелитейные или угольные забастовки, организуемые профсоюзами и способные парализовать почти всю промышленность, чтобы понять, что профсоюзы представляют собою мощную политическую и общественную силу, ограничивающую власть капитала. В Соединенных Штатах Америки государственная власть зависит не только от богатых промышленников, но и от союзов фермеров, от влияния союзов рабочих и т. п.

Для многих видов труда в Соединенных Штатах Америки законом установлен минимум вознаграждения рабочих; таким образом оплата труда не зависит от отношения между спросом и предложением. Маркс думал,

что вследствие перевеса предложения над спросом рабочий всегда будет получать лишь такую плату, чтобы не умереть ему и его семье с голоду. Он не предвидел возможности законов, защищающих рабочего от эксплуатации его капиталом. Налоги на доход очень велики в С. Ш. А. Например, неженатый человек, имеющий ежегодный доход в 200.000 долларов, обязан отдать государству в виде налога 156.820 долларов и со всякой дополнительной суммы дохода отдать государству 91%. Отсюда ясно, что в высоко культурных демократиях законодательство развивается в таком направлении, чтобы промышленность служила обществу, а не была только источником личного обогащения. Такой строй называется «народным капитализмом».

Поставим теперь вопрос об экономической стороне режима, цель которого — создать «государство благоденствия», где каждый член общества будет не только защищен от нищеты, но и получит средства для удовлетворения своих духовных потребностей и духовного развития. Ответом на этот вопрос служит система всеобщего страхования, выработанная лордом Бевериджем, «план Бевериджа»

Исследование, произведенное во многих городах Англии, установило, что чаще всего причиной угнетающей бедности бывает потеря заработка или трудность содержания семьи. В плане Бевериджа особенно принята во внимание борьба с этими источниками нищеты. Средства, необходимые для удовлетворения нужд населения, получаются из взносов лиц, имеющих доход, жалование и т. п., а также из Государственного казначейства.

Люди, потерявшие работу, получают пособие во время безработицы; им подыскивают подходящую работу или дают возможность научиться новому для них виду труда. Женатые мужчины делают страховые взносы

не только за себя, но и за своих жен. Поэтому в случае потери заработка мужем пособие получает не только он, но и жена его. Кроме того, женщины получают пособие в течение некоторого времени до и после родов; вдовы, занятые заботами о детях, получают пособие; вдовы, не занятые работой на детей, могут получать пособие во время изучения какого-либо вида труда. На детей, кроме первого ребенка, семья получает средства из Государственного казначейства, до шестнадцатилетнего возраста. Старики — мужчины после 65 лет, женщины после 60 лет, — имеют право получать пенсию. Всеобщее медицинское страхование также входит в план Бевериджа. Кроме того, в нем приняты во внимание такие чрезвычайные расходы, как свадьба, похороны. И все эти виды поддержки распространяются на всех граждан без обследования их имущественных средств; благодаря этому организация плана Бевериджа очень упрощается.

Лица, желающие обеспечить себе и семье уровень жизни, более высокий, чем прожиточный минимум, могут достигнуть этой цели посредством сбережений, а также посредством различных видов добровольного страхования.

Право частной предприимчивости, конечно, не следует считать абсолютным: есть предприятия и услуги, которые должны быть бездоходными, например, почта, водопровод и т. п. Такие предприятия естественно должны находиться в руках государства или городских и земских самоуправлений.

Защитники идеи «государства благоденствия» должны ответить на вопрос, имеет ли их государство достаточные средства для осуществления плана Бевериджа. Ответ на этот вопрос очень прост. Там, где средства недостаточны, план этот следует проводить в жизнь постепенно, соответственно уровню богатства страны. Отсюда ясно, что план Бевериджа, не требующий коренной ломки общественной жизни, может быть осуществ-

вляем во все большей и большей полноте без революционных потрясений, с сохранением всех видов свободы. И действительно, значительная часть его уже осуществлена в Великобритании. С. Ш. А. также далеко продвинулись в этом направлении, за исключением медицинского страхования.

Н. О. ЛОССКИЙ

Михаил Михайлович Новиков родился в Москве в 1876 году. Высшее образование получил в Гейдельберге, окончив Гейдельбергский университет в 1904 году со степенью доктора натурфилософии. Затем преподавал в Московском университете в качестве приват-доцента; в 1911 году получил степень доктора зоологии и сравнительной анатомии; в 1916 году избран профессором этого университета.

Параллельно с академической занимался и общественной деятельностью: в 1908 году был избран гласным Московской Городской Думы и работал в ней 10 лет главным образом по вопросам народного образования; в 1912 году вошел в состав Государственной Думы как депутат от города Москвы; в Государственной Думе М. М. Новиков специализировался по делам университетского законодательства.

Большевистские власти вначале не покушались на право университетской автономии, разработанное Государственной Думой, — в это время М. М. Новиков дважды избирался ректором Московского университета. В конце 1920 года власти издали новый университетский устав, подчиняющий жизнь высшей школы диктатуре партии, — М. М. Новиков вместе со всем правлением университета протестовал против этого устава и покинул пост ректора.

Был председателем Научной комиссии при ВСНХ, стараясь на этой должности сохранять свободу научного исследования в естествознании и технике и материально поддерживать профессоров, испытывавших тяжелую нужду.

В 1922 году М. М. Новиков с группой других ученых, писателей и общественных деятелей был выслан за границу. Обосновавшись в Чехословакии, он 16 лет управлял Русским народным университетом в Праге и был профессором в Карловом университете, потом в Братиславе.

В 1945 году переехал в Германию, в Мюнхене принял участие в создании университета УНРРА для беженцев-эмигрантов; был избран профессором Мюнхенского университета. В конце 1949 года переехал в Нью-Йорк, где занялся литературной деятельностью и чтением лекций в русских и американских культурных учреждениях.

В 1954 году, по случаю 50-летия научной деятельности, Гейдельбергский университет наградил его «Золотым докторским дипломом»; в 1957 году Академия наук в Нью-Йорке избрала его действительным членом; кроме того М. М. Новиков — председатель Русской академической группы в США.

Научно-исследовательская работа М. М. Новикова отражена в 125 публикациях и многочисленных докладах, прочитанных в ученых обществах и на международных съездах. Описанию всего жизненного пути посвящена книга М. М. Новикова «От Москвы до Нью-Йорка», выпущенная в 1952 году в Нью-Йорке издательством имени Чехова.

— —

О РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ НАУКЕ

В ответ на приглашение Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР я позволю себе поделиться с молодежью России мыслями и воспоминаниями о развитии научной деятельности в нашем отечестве. Сделать это мне тем более приятно, что мои основные точки зрения совпадают с данными, изложенными в издаваемом ЦОПЭ альманахе «Мосты», главная задача которого заключается в том, чтобы выявить тропы, «по которым можно выйти к духовному возрождению и раскрепощению». Эти поиски свободного мирозерцания присущи молодежи как на том берегу, так и в зарубежье.

В течение моей долгой жизни мне пришлось не только наблюдать, но и принимать живое участие в научно-исследовательской и в учебно-организационной работе. И в настоящем обращении к академической молодежи мне хочется, хотя бы в самой краткой форме, охарактеризовать эту работу. Главное внимание при этом я должен обратить на эпоху дореволюционную, объективные и неискаженные сведения о которой обычно задерживаются коммунистической цензурой и лишь с трудом проникают в среду советского студенчества. На ряде конкретных примеров я постараюсь закрепить в сознании молодежи то обстоятельство, что успешное процветание науки (не в отдельных областях ее, а в целостности всего ее философского построения) обуславливается наличием свободы мысли. Лишь мысль, не стесняе-

мая внешними полицейскими путями, способна обеспечить ученому-исследователю правильный подход к исследуемым явлениям. Лишь свободная мысль гарантирует устранение из людского обихода социальной несправедливости.

Старейшим научным центром России надо считать Академию наук. План Академии был разработан Петром Великим, но осуществлена она была в Петербурге при императрице Екатерине I в 1725 году. Программа Академии была весьма обширна. В нее входили как математические и естественно-научные, так и историко-филологические дисциплины. Из-за недостатка в России высококвалифицированных научных сил, в состав Академии были приглашены сначала иностранцы. В числе первых академиков были такие выдающиеся ученые, как Л. Эйлер и Д. Бернулли, которые принесли с собой с Запада дух свободных научных изысканий.

Вторым важным этапом развития научной деятельности России было учреждение в Москве первого российского университета, в 1755 году. В тогдашней бюрократической обстановке в первое время жизнь университета была скромной; у него было только десять кафедр, а число студентов на некоторых факультетах равнялось единицам или десяткам. Но впоследствии, с ростом демократического самосознания населения России, темп развития ускорился и перед революцией в Московском университете училось до 11 тысяч студентов, преподавателей было до 800 человек.

Число университетов росло сначала тоже весьма медленно. Лишь к концу первого полстолетия после создания Московского университета были открыты, в 1804 году, университеты в Казани и Харькове. Но потом дело пошло быстрее и перед первой мировой войной Россия имела уже одиннадцать университетов. Для такой огромной страны, как Россия, этого было явно недостаточно, что особенно остро чувствовалось на фоне интенсивно развивавшейся в то время общественной

жизни с ее либеральными запросами, а также экономической и культурной активности населения.

На помощь Министерству народного просвещения приходили другие правительственные учреждения, общественные организации, частные благотворители, — этим путем университетская сеть была расширена многочисленными, преимущественно практическими, учебными заведениями. Например, Министерство финансов, по инициативе его главы С. Ю. Витте, организовало Петербургский политехникум; Министерство торговли и промышленности — коммерческие институты в Киеве, Москве, Харькове и Петербурге; Московское городское управление — Университет имени Шанявского и т. д. Из учреждений, возникших по частной инициативе, можно отметить Высшие женские курсы, созданные в Москве профессором В. И. Герье и в Киеве А. В. Жекулиной, а также Психоневрологический институт проф. В. М. Бехтерева в Петербурге.

Особенно интенсивное развитие получила высшая русская школа при содействии четвертой Государственной Думы в 1912-1917 годах. Этот период особенно отчетливо сохранился в моей памяти, ибо мне часто приходилось председательствовать в Комиссии по народному образованию, подготовлявшей законопроекты для пленума Думы. Большое внимание при этом посвящалось реформированию и расширению устаревших высших учебных заведений, а также насаждению новых школ на окраинах государства, культурный уровень которых был весьма низок.

При Временном правительстве, когда деятельность Думы прекратилась, ее работа по делам науки была передана в образовавшуюся под моим председательством Комиссию по реформе высшей школы. Комиссия, в состав которой входили министр народного просвещения, его заместитель и представители профессуры, проявила энергичную деятельность как в разработке общеакадемических вопросов, так и по организации на широких

демократических основах новых научных институций.

Из отдельных мероприятий, проведенных Думой и Комиссией, можно отметить учреждение университетов в Ростове на Дону, Иркутске, Тифлисе и Ташкенте, а также Сельскохозяйственного института в Омске, расширение Саратовского университета, преобразование Ярославского лицея в университет, реформу педагогических институтов в Москве, Петербурге, Самаре и т. д.

Русский народ часто восхваляется, как талантливый и любознательный. Неудивительно поэтому, что при энергичном росте научных учреждений из среды профессуры быстро выдвинулись обширные кадры, принесшие русской науке мировую славу.

Можно утверждать, что первым русским гениальным ученым в европейском смысле был М. В. Ломоносов (1711-1765), сын рыбака, а впоследствии знаменитый академик, один из учредителей Московского университета. Выдающийся историк, реформатор русского языка, талантливый стихотворец, он особенно прославился своими открытиями в разных областях естествознания. Своими исследованиями он предвосхитил целый ряд позднейших научных открытий.

В качестве второго такого ученого, в хронологическом порядке, можно привести Н. И. Лобачевского (1793-1856), профессора Казанского университета. Лобачевский прославился своим открытием не-эвклидовой геометрии, появления которой ученый мир ожидал около двух тысяч лет и на основе которой возникли потом замечательные труды Римана, Эйнштейна и других математиков и физиков.

Одновременно с Лобачевским жил Н. И. Пирогов (1810-1881), врач чрезвычайно широкой эрудиции, искусный хирург и гигиенист, занимавший высокое положение в Международном обществе Красного Креста, и в то же время талантливый педагог, обогативший русскую систему воспитания.

Наследником Ломоносова в области химии был петербургский профессор Д. И. Менделеев (1834-1907), создавший знаменитую периодическую таблицу химических элементов, принятую во всем ученом мире, как основу химической науки. Когда таблица в одной стадии своего развития потерпела некоторую заминку, великий английский химик Рамзэй отстранил эту заминку и написал в своей статье: «Итак мы попрежнему шествуем за триумфальной колесницей нашего мастера Менделеева».

Замечательную работу оставил после себя другой профессор Петербургского университета В. В. Докучаев (1846-1903). Он доказал, что почва представляет собой самостоятельное природное тело, подобное организму, изменяющееся по определенным законам. Так было создано почвоведение, которое на Западе именуют по преимуществу русской наукой.

В области биологических наук особенно прославились двое русских ученых. Один из них, И. И. Мечников (1845-1916), начал научно-исследовательскую работу в Одесском университете, а впоследствии продолжал ее в качестве директора знаменитого Института Пастера в Париже. Он создал теорию фагоцитоза, т. е. способности белых кровяных шариков поглощать вещества, вредящие организму, и таким образом предохранять его от болезней и преждевременной гибели.

Второй биолог, академик И. П. Павлов (1849-1936), провел всю жизнь в Петербурге. Работая над пищеварительными железами собаки, он выяснил закономерности, управляющие целым организмом, включая и центральную нервную систему. Он — автор всемирно признанной теории условных рефлексов.

Одним из наиболее молодых естествоиспытателей, прославивших русскую науку, был московский профессор П. Н. Лебедев (1866-1912). После неудачных попыток многих выдающихся физиков, он смог экспериментально доказать, что лучи света, падающие на какой-

либо предмет, оказывают на него механическое давление.

Что касается русских гуманитарных наук, то они не представляли собой столь широкого международного значения, как науки естественные. Но и они в достаточной мере характеризуют глубину мирозерцания и блеск эрудиции русских ученых. Наибольший расцвет их относится к рубежу между двумя последними столетиями, когда в российской общественности ярко процветали свободолюбивые настроения. Например, в области истории особенно прославился профессор Московского университета В. О. Ключевский, талантливый лектор, оставивший после себя обширную школу специалистов по русской истории.

Другой тип историка представлял собой П. Г. Виноградов, сначала тоже московский, а впоследствии оксфордский профессор. Большая часть его работ посвящена средневековой истории.

В истории искусства блестяще выдвинулся академик Н. П. Кондаков, специалист по византологии и иконографии.

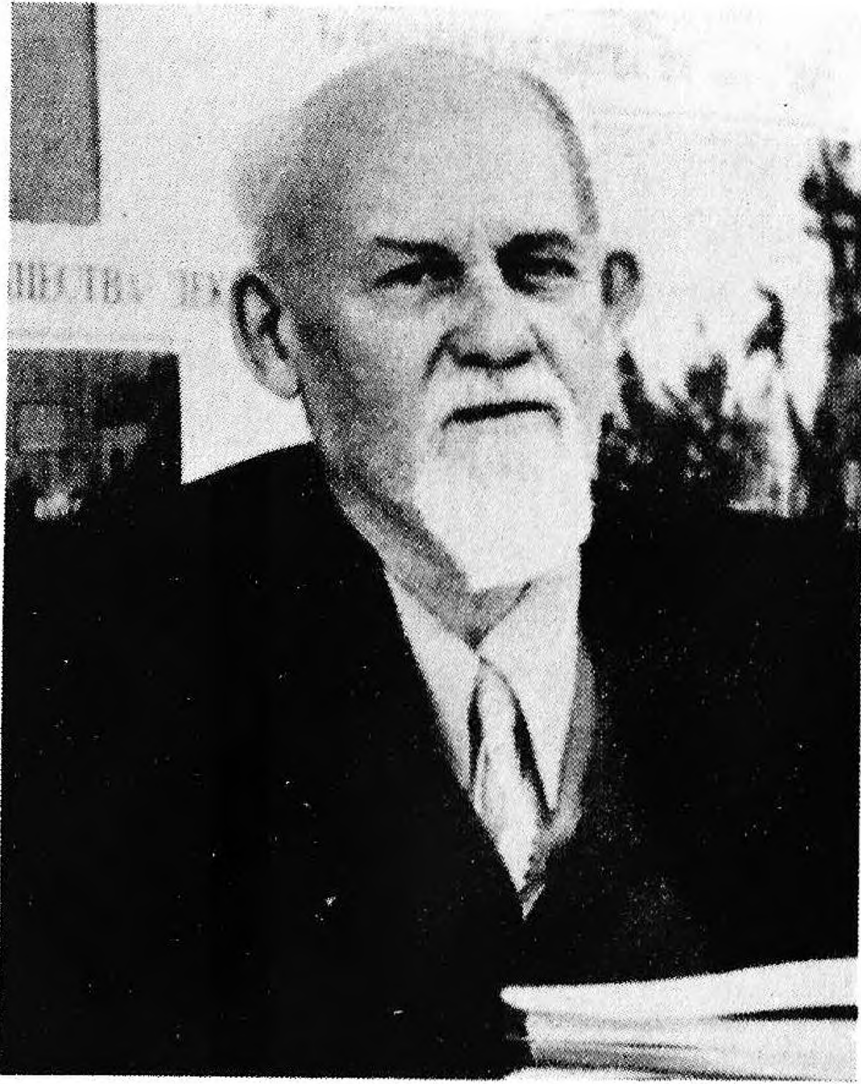
Основателями современной русской идеалистической философии считаются москвичи В. С. Соловьев, Н. С. Трубецкой и Л. М. Лопатин.

В качестве выдающихся лингвистов можно отметить знатока сравнительного языкознания Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша, щеголявшего знанием шестидесяти языков.

Этот далеко не полный перечень научных светил делает понятным, почему наша родина в течение одного предреволюционного столетия могла сравняться с Западной Европой в смысле научных достижений. Правда, и в это время свобода науки подчас нарушалась правительственным вмешательством, однако, эти преходящие затруднения не могли затормозить общего подъема научных знаний.

Но в 1920 году произошла катастрофа. Советская власть отдала науку под строгий, деспотический контроль партии. Правда, вместо свободы научным учреждениям были предоставлены богатые материальные средства, давшие возможность воздвигнуть для Московского университета тридцатиэтажное здание или запустить межпланетный спутник раньше американского. Однако, такие технические утилитарные достижения отнюдь не влияют на общее философское мирозерцание, на всю совокупность человеческих знаний. Они не в состоянии возместить прежнего, предреволюционного, общекультурного подъема.

М. НОВИКОВ

Николай Иванович Осипов родился в Риге в 1889 году. Учился в Петербургском университете, который окончил в 1912 году. До революции и в первые годы после нее принимал активное участие в кооперативном движении, — работал в Московском Союзе потребительских обществ (позднее — Центросоюз), в Харьковском Союзе кредитных кооперативов, на Кубани в Союзе производственных кооперативов и в Союзе потребительских обществ. Затем перешел на преподавательскую работу. Публицист.

В эмиграции — с 1944 года. За это время им написан ряд брошюр и много статей в русской зарубежной прессе, в различных изданиях.

— —

Не так давно еще страшно было слушать молодые голоса, доносящиеся из России: до чего они были искажены! «Плохие песни соловью в когтях у кошки». Но времена меняются; по-иному звучат голоса: перекличка старых эмигрантов с советской молодежью стала фактом.

Субъективно она драгоценна для нас, стариков, с нашей извечной стариковской потребностью любоваться на свою молодежь и гордиться ею. Объективно она, пожалуй, нужнее молодежи, ибо опять же стариковская это обязанность — дарить молодежь, и мы приходим к ней не с пустыми руками. Мы приносим ей очень нужное, как мы думаем, знание о Западе, которого она, если и не лишена целиком, то только вопреки усилиям власти. Мы приносим ей самые зрелые плоды русской культуры, которые — таковы следствия советского режима — не могут произрастать на родине, где, подспудно и разрозненно, лишь кое в чем пробиваются ее слабые ростки. Наши слова — брешь в унижительной изоляции, на которую мы волею антинародной власти обречены. Глоток свежего воздуха, который коммунисты отмеривают своим подданным —

«...так бережно и скудно,
не мерят так и лютому врагу».

Выяснилось: между нами нет «ледяного отчуждения», нет разделяющей стены непонимания. Есть только недостаток взаимной информации и различие опыта: у вас опыт подсоветский (многим из нас не чуждый), у нас — западный. И мы с этим различием опыта друг другу нужны до-зарезу.

Мы пережили опыт свободы, и — можем засвидетель-

ствовать — в нем возникает соблазн рабства. Вы пережили опыт рабства, в котором с чрезвычайной остротой пробуждается инстинкт свободы.

Коротко об эмиграции. «Отечества не унесешь с собой на сапогах», — это верно сказано. Но можно унести с собой его культуру, если дома места для нее не оказалось. Эмиграция это и сделала; но она сделала гораздо больше: она эту культуру продолжала творить и развивать. Она сберегла для грядущих русских поколений Россию. В этом смысл ее подвига и в этом оправдание ее страданий.

Иначе не могло быть. «Эмиграция — либо миссия, либо — дезертирство». Были среди эмигрантов и дезертиры, например, Алексей Толстой, который продавал французам свое несуществующее имение «Порточки» и писал статьи сменовеховского толка, а потом вернулся в Советскую Россию, чтобы писать «Петра I» и «Хлеб». Но большая часть творческих сил русской эмиграции не уподобилась Толстому и осталась верна «миссии».

Что бы я хотел вам сказать? Тема у нас одна, общая: как избыть страшную беду, которая стряслась над Россией в октябре 1917 года.

У нас нет никаких рецептов. Их нет вообще. И не в рецептах дело. Дело в осмыслении страшной советской действительности.

В вас живет непогрешимый и острейший инстинкт свободы. Это — ваше сокровище, и в нем ваша сила. Совершенно понятно, что этот инстинкт приобретает особенно крепкий закал в условиях диктатуры и тем он крепче, чем туже и беспощаднее диктатура. Влияние свободы неуловимо и неистребимо. И что делают тираны своими казнями и пытками, как не прославляют на свой лад «башню чистую»? Не нам вас учить инстинкту свободы, инстинктам не учат, — да мы вас учить ничему и не собираемся.

Важнейшая особенность молодежи — всякой, значит и советской — это ее потребность в сомнении и отрицании. Мы были счастливее вас. Мы росли в атмосфере

свободы, и даже не понимали этого счастья, до того оно было привычным. Никто не мешал нам сомневаться в заветах предков, никто не мешал нам отрицать Царя Небесного и царя земного. Конечно, «ворчали старики». Но на священнейшее право молодежи, — право на заблуждение, — не посягал никто. Знали: придет час, заблуждения спадут с юной души, как ветхая чешуя, а дар искания, нахождения, ответственного решения останется. Человек не автоматический приемник истины, и путь к ней часто пролегает через заблуждение. Коммунизм это яростно отрицает, он смотрит на голову юноши и девушки, как на пустой сосуд, который нужно механически наполнить до краев мудростью Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина-Хрущева.

Но вы презираете педантов и начетчиков. Вы ищете истину, мы это знаем. И подлинным героизмом представляются эти поиски в одиночку, без поддержки, во тьме советской ночи. Вы находите обрывки; по этим обрывкам вы стараетесь восстановить целое, — так Шамполион расшифровывал иероглиф за иероглифом, пока не восстановил исчезнувший язык. За вашей работой нельзя следить без восхищения. Так, стараетесь вы разглядеть черты русской истории сквозь толщу фальсификации и запретов. Часто приходится вам действовать в одиночку, не чувствуя ничьего плеча. А найдется плечо — не всегда оказывается достаточно взаимного доверия: есть ведь недреманое око.

Собственно говоря, мы можем быть за вас спокойными. За вас и за Россию. Все вы — антисталинцы, и очень решительно; все вы (может быть, менее решительно) антикоммунисты. Если вы в этом сомневаетесь, загляните в глубину вашего сердца: оно вас не обманет.

Но не говоря уже о том, что нужно до конца преодолеть «пережитки социализма в сознании», — это, может быть, и не так уж трудно, — нельзя успокаиваться на отрицании. Коммунизм есть зло; что же поставить на его место?

Мы не предлагаем вам никаких программ, минимум и максимум. Если они понадобятся, вы сами их выра-

ботаете в потребном количестве и даже сверх того. А нужно России — правовое государство, обеспечивающее элементарные свободы и действительную неприкосновенность личности. Дело не в идеальном государстве, которого никогда не было и не будет, а в порядочных гражданах. Вы спросите: откуда взять их? Разве советский строй не сделал все возможное, чтобы убить в русском человеке всякие общественные навыки, заменив их псевдообщественной и антиобщественной системой «нагрузок»?

Да, конечно. Но именно эта практика советской власти вызывает страстную реакцию (пусть внутреннюю только) и потребность в нормальной общественной жизни. А из этой потребности рождаются и граждане.

Конечно, рождение русского гражданина — процесс очень болезненный. Ведь в отличие от физического мира, в нравственном не болезни мучительны, а исцеление от них.

Тут я укажу только на две, которые усиленно прививаются советской властью, и не совсем без успеха. Иногда эти болезни гнездятся, в полусознанном или неосознанном состоянии, в душах лучших представителей советской молодежи. От этих чувств-паразитов, идей-паразитов, необходимо освободиться.

Первая из этих болезней — «гордость достижениями». Не сама эта гордость плоха: она невинна, она законна. Спору нет: метро хорошо и спутник замечателен. Дело в интонации этой гордости, в том психологическом обертоне, который ее сопровождает. Если перевести на язык сознания ту бахрому неясных чувств, в которую эта гордость завернута, как в вату, получится примерно следующее:

«Да, мы рабы; мы мясо для индустриализации, нас можно загнать в колхозы и гноить в концлагерях. Прикажут — будем кукурузу сажать; прикажут — целину поднимать будем. Но зато у нас достижения. Магнитогорск построили; московское метро — загляденье; а теперь еще спутники, ракеты. А то ли еще будет! Вот вам и рабы!.. Ну-тка, вы с вашей свободой!»

Это — типичный пример ложной компенсации. В основе приведенного рассуждения лежит горькое сознание безысходности своего рабства и потребность примириться с ним, чтобы не так мучительно страдать от него. Ложная компенсация и есть цена этого примирения. Это — подобие утешения, за которое, как за последнюю надежду, хватается несчастный человек. Все эти спутники и Магнитогорски и планы преобразования природы могут быть технически грандиозны. Но нравственно это — побрякушки, назначение которых заставить замолчать совесть свободного человека. Ибо вы — свободные люди, хотя и находитесь в цепях.

Вдумайтесь в эту диалектику: Россия — страна явного рабства и тайной свободы. И чем больше явного рабства, тем больше тайной свободы. И эта тайная свобода для власти страшнее всякой водородной бомбы. Лелейте же в себе, лелейте инстинкт свободы! А от ложной компенсации откажитесь: она унижительна и недостойна свободного человека.

В основе этой «советской болезни» лежит не просто комплекс неполноценности, а ложный комплекс неполноценности — огромная разница. От подлинного комплекса избавиться трудно, от ложного легко, стоит только осознать его ложность. Вся эта болезненная гордость, все эти «приоритеты» (мания приоритетов особенно свирепствовала в сталинское время), это вечное поднимание на цыпочки, эта грудь колесом, производит невыразимо тяжелое впечатление. Правда, это не столько настроение народа, сколько кривляние пропаганды, но кривлянье заразительно, и зараза, пусть неглубоко, но проникла в народную душу. Пропаганда добилась кое-каких успехов: привила русскому человеку чувство неполноценности и заставляет его пыжиться, топорщиться и важничать.

А между тем, это чувство неполноценности ложно. Русский человек хорош сам по себе без ракет и турбогенераторов (которые имеют свою цену и от которых отказываться никак не следует); он ничуть не хуже западного человека. Лучше, по крайней мере, в одном отношении: лучше своей жаждой свободы, своей

зреющей волей к ней. Этого на Западе меньше: об этом несколько слов ниже.

Существует двойная и подлая игра власти: она прямо внушает русскому человеку, что он перл творения, а косвенно внедряет в его подсознание комплекс неполноценности. Эту игру необходимо сорвать.

Другая болезнь еще страшнее первой. Это — атрофия дружелюбных гуманистических чувств. Гуманизма нет не только в чекистских подвалах, куда русский человек спускается, чтобы получить пулю в затылок. Массовые убийства в Советской России — дело обычное, бытовое и плановое. С точки зрения чекиста — человек полуфабрикат, который становится продукцией, только получив пулю в затылок.

Страшно не это. Страшно даже не то, что убойный «пролетарский гуманизм» может стать настолько привычным, что он перестает вызывать в людях чувство ужаса. Страшно то, что он находит оправдание не в чекистских, а во многих и человеческих душах, в душах простых, хороших, рядовых советских людей.

Вдумайтесь только в эту ужасную формулу: «Зато достижения»... Ведь она означает оправдание цены этих достижений. А цена известна: физическое истребление миллионов ни в чем неповинных людей, невыразимые страдания концлагерников и колхозников, безжалостное угнетение рабочих, беспредельное нравственное унижение всех, всех, всех... И есть люди, у которых поворачивается язык произнести эти слова: «Без жертв, к сожалению, не обойтись, зато достижения».

Типична для антигуманизма, усиленно прививаемого народу советской властью, не склонность к мучительству, не садизм (это — монополия «органов»), а равнодушие к человеческой личности, к ее правам, к ее страдальческой судьбе, то есть — будем говорить прямо — пособничество «органам». К личности в России учат относиться, как к «запчасти». Хуже: пусть, мол, пропадает, таковская, — зато «рекорд», перевыполнение плана и прочее. Нужно понять: такое отношение к человеку есть основа рабства в

России, и пока оно существует, «органы» непобедимы.

Достижения, к слову сказать, дутые, фальшивые, мнимые. Многие из вас и это прекрасно понимают. Советская промышленность не рентабельна и рентабельной быть не может: она живет за счет дотаций, то есть систематического понижения жизненного уровня населения. Свободный народ такой промышленности потерпеть не может. Ее надо перестраивать, чтобы она работала для народа и страны, а не против них, для одной диктатуры. Но перестраивать без смертных казней, без соцсоревнования и перевыполнения планов, по-человечески. Советская индустрия воздвигнута на костях человеческих; их не жалели, этих бедных костей, — и в условиях свободы вся эта постройка, ее система, развалится, останутся одни кости.

Не презирайте гуманизма. Не путайте его с гуманистическими фальшивками советской власти. Не останавливайтесь с восхищением перед пирамидами из человеческих черепов Тамерлана и Сталина. Вся советская власть со всеми ее достижениями не стоит и одного черепа.

Страшна эта исковерканность человеческой души бесчеловечием. К примеру, случай с Б. Полевым, автором «Золота». Полевому довелось в Америке разговаривать с Говардом Фастом, писателем, который тогда был еще смиренной овечкой большевистского стада, но потом взбунтовался. Говард расспрашивал Полевого о своем приятеле, советском писателе Файко, от которого он давно не имел известий и беспокоился. И Полевой разливался соловьем: они с Файко живут в одном доме и часто встречаются, и вот о чем Файко говорит, и вот какие у него литературные планы.

А Файко был давно расстрелян, и Полевой это прекрасно знал. Фаст развесил уши, для него рассказы Полевого были бальзамом, и где же было емуобразить, что советский коллега выполняет инструкцию. В Советском Союзе инструкция — все, а человек — ничто. Полевой — вовсе не негодяй, а просто человек, обремененный советской карьерой и рабской психологией.

Юноши и девушки России! Хотите быть похожими на Полевого?

Необходима победа над обаянием бесчеловечия, над соблазном бесчеловечия в наших собственных сердцах. Нужен возврат к гуманизму, которым раньше жила Россия, поражая этим Запад. Возврат нужен не к старым политическим формам, а к принципам, которые в этих формах жили и которые старая власть отчасти теснила, отчасти терпела, отчасти даже утверждала.

Нужна не политическая реставрация, а реставрация добра, реставрация гуманизма. Нам есть к чему возвращаться: вспомним хотя бы знаменитый манифест императора Александра II: «Правда и милость да царствуют в судах». И царствовали: не пустые слова это были. От сияющего человечностью русского суда мы скатились к «суду» Сталина и Вышинского, — как же не нужна реставрация?

О Западе, о котором столько наггано большевиками, что бывает больно и горько говорить. Мы, конечно, совсем не отрицатели Запада, для нас отрицать Запад значит отрицать Россию. Россия — страна насквозь европейская; прорубив окно в Европу, она в Европе нашла самое себя. Это ничуть не умаляет ее своеобразия: ведь каждая европейская страна своеобразна.

Запад можно во многом обвинить, но только не в том, в чем его обвиняет большевистская пропаганда. Запад — ничуть не агрессор, единственно, что можно поставить ему в вину: он слишком вяло сопротивляется коммунистической агрессии, а часто и совсем не сопротивляется. Никакого ада капитализма на Западе нет, и экономические порядки на Западе называются капитализмом только по старой памяти.

Что касается до положения трудящихся масс, то оно неизмеримо лучше, чем в Советском Союзе. Конечно, капиталисты получают прибыли, но огромную часть чистой прибыли у них отбирает государство и обращает на общественные нужды. Эксплуатация человека человеком на Западе становится риторической фразой. И если где-нибудь эта эксплуатация существует, и притом в ужасных размерах и самых варварских формах,

то это в Советском Союзе, — в «отечестве всех трудящихся».

Расцвет науки на Западе, науки свободной, не фальсифицированной, независимой от партийной указки, просто ошеломляет. СССР со всеми спутниками остается жалкой провинцией. Под большевиками не может быть иначе. В этом легко убедиться при умелом использовании советского же материала. Вы это умеете делать лучше нас.

Но... Есть, как видите, и но. Свобода — это самое существо западной жизни. И вот как раз тут мы касаемся невралгического пункта. Западный человек объелся свободой. Он ценит ее скорее только, как предмет комфорта, и часто не склонен видеть в ней высшей ценности. И он не спешит доказать, что он способен ее защищать. Он боится истины, он не хочет видеть опасности, он способен создавать о большевизме слюняворозовые мифы и многие люди на Западе хотят видеть лекарство от всех бед в сосуществовании...

Россия — это явное рабство и тайная, но несомненная свобода. Учителя свободы у нас были превосходные: Сталин, Ежов, Вышинский, теперь Хрущев. Есть стихотворение одного немецкого поэта (можете найти его во II томе «Этики» Паульсена), в котором автор говорит, что верности его учил — шпион, нежности — палач, целомудрию — проститутка. У вас учителя не хуже. А кроме того, исконный русский гуманизм вашей души, который — мой его в семи щелоках — не вымоешь.

Желания русского человека скромны. Чего он в сущности хочет? Ему нужно «немного свободы и немного личной судьбы». В этом начисто отказывает ему бесчеловечная власть. Но из этой потребности, неустраняемой, как потребность дышать, — вырастет свободная Россия.

Вот все, что я хотел вам сказать, молодые люди. Думаю, что я выразил мысли многих людей моего поколения. Мы не скрываем наших мыслей, мы вам не льстим, мы не рассматриваем вас, как средство, мы не пытаемся ввести вас в заблуждение, мы вам ничего не

обещаем. Мы даже не стараемся вас в чем-нибудь убедить. Мы только предлагаем вам материал, полностью или отчасти вам недоступный и сознательно скрываемый властью. Мы держим себя по отношению к вам, как люди свободы, как последовательные антитоталитаристы.

Будьте свободны! Не верьте в «железные законы» истории: они выдуманы бессовестными людьми. Не верьте, что «Россия приговорена к социализму». Верьте вашему инстинкту свободы: он не обманет.

Н. ОСИПОВ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Родился я 6 февраля 1884 года в Москве, в доме «Человеколюбивого общества» (можно сказать — обязывающее месторождение!) Фамилия моя литовского корня. Степуны встречаются в Литве, на Украине, и в Пруссии. Мои предки были помещиками под Мемелем. Кроме литовской и немецкой крови есть во мне еще и французская и шведофинская. В моем субъективном ощущении это этническое богатство ни в малейшей степени не умаляет моей русскости, которой я обязан длительной жизни в деревне. Попал я в нее трехлетним мальчиком, когда отец получил место директора большой писчебумажной фабрики в Калужской губернии и купил поблизости от нее небольшое имение.

Среднее учебное заведение я окончил в Москве, по окон-

чании выехал в Германию. Изучал я в Гейдельбергском университете в продолжении семи лет философию, историю, политическую экономию, государственное право, историю искусств и литературы. Вернувшись в 1910 году в Россию, я вместе с моим товарищем по университету С. И. Гессеном, сыном известного кадета, прежде всего принялся хлопотать о выпуске в свет русского издания многоязычного философского журнала «Логос», что нам и удалось. Задачей русского «Логоса» было подведение методологического фундамента под научно, по-нашему мнению, малоозабоченную русскую философию, как религиозно-интуитивного, так и марксистско-догматического характера. В свое время мы боролись с православно-славянофильским «Путем». Будущим поколениям придется бороться против распутицы и беспутства советского марксизма, памятуя известное изречение Маркса, что он не марксист.

Готовясь к магистерскому экзамену, я в качестве члена «Бюро провинциальных лекторов» успел объездить почти всю Россию. Особенно часто я читал в приволжских городах, прежде всего в Нижнем Новгороде. Слушала меня не только провинциальная интеллигенция и учительство, но и передовые рабочие. Как свободно и легко дышала в то время Россия, наслаждаясь своей медленно крепнущей свободой, как быстро росла и хорошела.

В начале октября 1914 года 12-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада, к которой я был причислен в качестве прапорщика запаса, двинулась на фронт. Вначале медленное, хотя и непрерывно успешное наступление на галицийском фронте. Затем быстрое беспорядочное отступление. Переброска на Рижский фронт. Там ранение, в результате которого — десятимесячное пребывание в лазаретах. В 1916 году — возврат в Галицию: полный развал дисциплины и духа армии, и наконец революция, которую даже те, кто ее не желал, радостно приветствовали, как выход из создавшегося безвыходного положения.

Неожиданно для меня самого революционная волна быстро вынесла меня вперед. В самом начале я попал в Петербург во главе армейской делегации юго-западного фронта, где и остался в качестве фронтового представителя во Всероссийском Совете Рабочих, Крестьянских и Солдат-

ских Депутатов. Не удовлетворенный своей петербургской деятельностью, я вернулся в качестве правительственного комиссара на фронт, но скоро был вызван обратно. В связи с назначением Савинкова заведующим военным министерством, я занял должность начальника политического управления при нем. Арестованный в предпарламенте, но выпущенный военной комиссией Кексгольмского полка на волю, я быстро вернулся в Москву. Пока господствовала некоторая свобода печати, я участвовал в оппозиционной прессе, в частности в право-эсеровском «Возрождении». В связи с гражданской войной я был призван в Красную армию. Тяжелому ранению и благосклонному ко мне отношению А. В. Луначарского я обязан назначением меня заведующим репертуаром «Показательного театра Революции» и помощником режиссера. После постановок Софокла «Царь Эдип» и Шекспира «Мера за меру», я был снят с этого поста за явное непонимание сущности пролетарской культуры, с чем я не мог не согласиться, так как всегда считал, что таковой быть не может: культура требует языка, а у пролетариата, как и у каждого класса, есть только своя терминология.

После отставки я некоторое время еще оставался в Москве, читая в разных театральных студиях лекции по вопросам театра. Так как вся эта деятельность висела в воздухе, то мы с женой решили податься в деревню, где на 14 десятинах, оставленных моему тестю от его имени, уже работала, с разрешения местного исполкома, наша семейная коммуна. С крестьянами у всех нас, а в особенности у меня, сразу же сложились исключительно хорошие отношения. Эта деревенская жизнь была осенью 1922 года прекращена нашей высылкой вместе с рядом других семейств ученых и писателей за границу.

Моя заграничная жизнь сразу же расслоилась на деятельность русского эмигранта (ближайшее сотрудничество по редактированию «Современных записок», основание и редактирование «Нового града», участие в «Студенческом Христианском Движении») и на преподавание в высших учебных заведениях Германии. В 1926 году я был выбран на кафедру социологии Дрезденского политехникума, — ее в 1937 году меня лишил Гитлер с запрещением печатного и устного выступления. В 1947 году специально для меня в

Мюнхенском университете была создана кафедра по «Истории русской культуры», что дало мне возможность для широкого ознакомления западноевропейской, а отчасти и американской молодежи с творчески все же значительной, но одновременно и нравственно недопустимой деятельностью русского большевизма.

Ф. Степун

Мюнхен, 10 апреля 1960 г.

Ф. А. Степун — автор многих статей, напечатанных в русской зарубежной и иностранной прессе (до высылки за границу — также и в прессе в России), и книг: «Из писем прапорщика-артиллериста», Москва 1918 и Прага 1926; «Жизнь и творчество», Берлин 1923; «Основные проблемы театра», Берлин 1923; «Николай Переслегин», Париж 1929; «Бывшее и несбывшееся», Нью-Йорк 1956. Все эти книги, как и цикл статей «Мысли о России», напечатанный в журнале «Современные записки», и статьи в «Новом граде», были напечатаны и по-немецки; книга о театре вышла также на испанском языке; на английском языке была издана книга Ф. А. Степуна «Россия и революция».

В 1931 году в Париже вышел первый номер «Нового града», небольшого журнала, посвященного религиозно-философским и общественно-политическим вопросам. Отличительной чертой «Нового града» был отказ от точно сформулированной и параграфированной программы, считавшейся неизбежной для всякого уважающего себя общественно-политического движения. Вопрос «что делать» был в «Новом граде» заменен другим, более глубоким: кем быть?

Ставя этот вопрос, новоградцы не связывали приходящих к ним людей не только какой-либо программой,

но и какой-либо исповеднической формулой, довольствуясь наличием известного духовного строя. Передовая статья первого номера кончалась словами: «Мы спрашиваем не о том, во что человек верит, а какого он духа».

Особенность новоградского духа определялась прежде всего тем, что его основатели и главные сотрудники встретились друг с другом на путях покаяния как за свои личные ошибки, так и за прегрешения тех партий, групп и течений, к которым они принадлежали.

Духовно выношен и фактически осуществлен «Новый град» был одним из самых крупных членов партии социалистов-революционеров И. И. Бунаковым. Еще задолго до захвата большевиками власти Бунаков почувствовал утопически-беспредметный и атеистически-легковесный, к тому же мало чем связанный с русской историей, дух русского революционного социализма. Долгая и детальная работа над русской историей и пристальное изучение ее корней, привела историка Бунакова к пониманию России, как восточной теократии, а раскаявшегося революционера — к христианскому социализму. Решив издавать «Новый град», Бунаков привлек в качестве соредактора меня, уже давно стоявшего приблизительно на тех же позициях, к которым он пришел на путях долгой и сложной эволюции. Третьим соредактором нами был приглашен талантливейший Г. П. Федотов, стоявший в свое время на левом фланге русской социал-демократии и бывший до эмиграции профессором западноевропейской истории в Саратове.

На искания касающихся социалистов-революционеров и социал-демократов прежде всего отзывались те религиозные мыслители и ученые, что в начале века весьма неудачно именовались неоправославными. Определив вскоре после революции 1905 года свое отрицательное отношение как к революционной интеллигенции (сборник «Вехи», 1909 г.), так и к реакционному Синоду (незадолго до войны Бердяев написал направленную про-

тив победоносцевского Синода брошюру, вышедшую под заглавием «Гасители духа»), эти мыслители и общественные деятели разными путями устремились к отысканию творческого синтеза между православием и стоящими перед русской жизнью социальными проблемами.

Встреча кающихся социалистов с православными нового духа, в лице которых церковь как бы каялась в своих грехах, — в своей нечувствительности к назревшим вопросам политической свободы и социальной справедливости, — оказалась весьма важной для дела «Нового града». Этой встречей раскрывалась, с одной стороны — социальная природа подлинного христианства, а с другой — стремление социализма к духовному самоуглублению. Впервые были услышаны слова учителей церкви. «Где царствует холодное мое и твое, там ссора, где люди сообща владеют собственностью, там мир» (Иоанн Златоуст). «Когда богатый дарит деньги бедному, он только возвращает ему то, что раньше взял у него». «Почему-то богатые присваивают все богатства себе, хотя все родятся голыми» — и т. д.

Третья, менее существенная группа новоградцев составила из прогрессивно настроенных либералов, которые, почувствовав миросозерцательный напор большевизма и силу марксистско-ленинского исповедничества, усомнились в том, сумеет ли маловерная западная демократия отстоять начала свободы, личности и права от свободоненавистнического коллективизма большевиков. Усомнившись в этом, бывшие либералы-прогрессисты начали задумываться над тем, какой новой, горячей, духовной питательной идеей можно было бы окрылить низвергнутую большевиками русскую демократию для дальнейшей борьбы против советской власти.

Таковы течения, из которых выросла культурно-политическая платформа «Нового града». В моей форму-

лировке она гласила: духоверческий, свобододлюбивый социализм.

Защищая эту формулу, новоградцы с полным правом связывали ее и с христианской культурой средневековья, и со свобододлюбивым гуманизмом Возрождения, и с либеральным социализмом, требовавшим такой хозяйственной системы, которая гарантировала бы каждому человеку возможность полного развития своей личности. Из этой концепции само собой выросло радикальное отрицание триединой лжи: реакционного клерикализма победоносцевского образца, узкогрудого, безыдейного, лишь формально-юридического либерализма и свободоненавистнического социализма-коммунизма.

Некоторые из нас, стоявшие раньше на лево-либеральных позициях, справедливо указывали на то, что новоградская формула в сущности очень близка к формуле Великой французской революции: свобода, равенство и братство, которая лишь потому не привела ни к свободе, ни к равенству, что сразу же отреклась от явно христианского понятия братства. Первым актом отречения от братства было ограничение выборных прав четвертого сословия, благодаря чему свобода превратилась в бесконтрольный произвол власть имущих и в неосуществимый миф обездоленных. Это снижение идеи свободы и породило свободоненавистническое равенство коммунистической идеологии, родившейся в Европе и свившей себе прочное гнездо в отсталой России.

Защищая идею новоградского пробуждения в культурной, политической и общественной жизни, я прекрасно понимаю, что политическая позиция новоградства должна всем представителям политического реализма казаться абсолютно беспредметной утопией. Оспаривать политиков-реалистов безнадежно, а потому и бесцельно. Можно только надеяться, что сама жизнь откроет им глаза на явную химеричность и фантастичность их по-

литического реализма и что они в конце концов поймут, что современное положение человечества, стоящего накануне самоубийства, есть дело их ловких, но и бессердечных рук, — результат их близорукого, бескрылого реализма. Право, уже пора понять, что строить общеевропейское объединение и всемирное замирение человечества на основе борющихся друг с другом национальных, экономических и социально-политических эгоизмов есть верх беспредметного утопизма, что успех возможен — если он вообще возможен, — только на почве преодоления всяческой, если так можно выразиться, «ячности», личной, классовой, национальной, расовой, вероисповеднической, на устремлении всякого «я» к противостоящему ему «ты». Единственным возможным лозунгом творческого жизнеустремления является евангельское «ты еси». На голом же и властном «я», все время твердящем, — а ты переродись, сгинь, умри, — никогда, ничего не построить и не создать.

Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устройство жизни, в случае ее отрицания — ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы мы, люди XX века, подошли совсем близко. Страшно подумать, с какой быстротой все мы, вооруженные громадными знаниями, окрыленные заманчивыми утопиями и исполненные невероятной энергии, с каждым днем все быстрее разрушаем нашу жизнь.

Для насаждения новоградской духовности в нынешней России нужны пока-что не политические агитаторы и не партийные функционеры, — нужны глашатаи и сеятели. Победить новоградство, — о, конечно, не завтра, — может только «путем зерна». Сеять наши зерна надо в школах всех степеней, в профессиональных учебных заведениях, в университетах, в научно-

художественных кружках, в социальных и политических организациях, в церквях, на международных конгрессах, одним словом — всюду. К такой духовно мужественной и эмоционально-трезвой работе мы, старые эмигранты-новоградцы и призываем молодую, творчески живую, духовно оснащенную Россию, что подымается на смену большевизму. Будем надеяться, что эта смена произойдет не в бурях новой революции, а в порядке постепенного преобразования нынешней и возрождения вечной России.

Хотя новоградцы с самого начала считали излишним опубликование детально разработанной, параграфированной политической программы, некоторые из нас все же не отказывались от ее легкого начертания. Виделась нам будущая Россия крепко спаянной федеративной республикой, с широкой культурной автономией для всех входящих в нее меньшинств, само собой разумеется, с гарантией всех свобод для свободлюбивых граждан, но не для врагов правового строя.

На главном, аграрном секторе русской хозяйственной жизни мы защищали сочетание двух путей: превращение совхозов и колхозов в самоуправляющиеся артели, с сохранением в них освобожденной от политических оков общекультурной жизни. А с другой стороны — организацию государственной помощи для выхода из колхозов тем крестьянам, которые пожелали бы стать единоличными собственниками своих земельных участков.

Очень важным представлялся для многих из нас вопрос об отношении церкви к государству. Считая, что постоянное участие церкви в неизбежно компромиссной и полемической работе государства должно снижать ее нравственный авторитет, мы стремились к ограничению ее роли внимательным наблюдением за об-

щественно-политической и культурно-педагогической деятельностью власти и требовали для нее утвержденной конституцией права предохраняющего, осуждающего, а по некоторым вопросам даже и решающего голоса.

Все эти предположения и размышления мы ощущали только приблизительными набросками, уплотнение и уточнение которых нам представлялось возможным только в связи с дальнейшим развитием русской жизни. Мы не теряем надежды, что в России найдутся люди, которые пойдут по намеченным здесь путям.

Федор СТЕПУН

Николай Сергеевич Тимашев родился в Петербурге в 1886 году. Окончил юридический факультет Петербургского университета; в 1914 году получил ученую степень магистра и с января 1915 года стал приват-доцентом этого университета. С осени того же года — доцент и Политехнического института, в котором в 1918 году получил звание экстраординарного профессора по кафедре общей теории права.

В 1921 году, перед лицом смертельной опасности (его друзья и единомышленники были расстреляны 31 августа по Таганцевскому делу), бежал в Финляндию. В 1923 году стал профессором русского юридического факультета в Праге, с 1928 года — профессором славянского института в Париже. За эти годы перешел к работе в сфере социологии, которой интересовался еще в студенческие годы. В

1936 году был приглашен читать лекции по этому предмету в самый известный в США Гарвардский университет; в 1940 году перешел, в качестве постоянного профессора, в Фордэмский университет в Нью-Йорке, где и оставался до достижения предельного возраста в 1957 году.

Н. С. Тимашев — автор шестнадцати книг на русском, немецком и английском языках; в их числе книги «Религия в Советской России» и «Великое отступление», — в последней описывается постепенный отход коммунистов от некоторых центральных доктрин марксизма. Кроме того, он напечатал свыше ста шестидесяти научных статей по праву и социологии, на русском, французском, немецком, английском, голландском, итальянском и португальском языках. Прочел большое число лекций в Германии, Англии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Канаде и в разных городах стран, в которых Н. С. Тимашев постоянно жил и преподавал.

50 лет назад, когда мы, ныне к вам, молодежи России, обращающиеся, были еще совсем молоды, наша родина, которая была нам так же дорога, как теперь вам, проходила через замечательный период своей истории. Она переболела революцию 1905-1906 годов, которая привела к крупным реформам в государственном и земельном строе; неудачную и ошибочно замышленную войну с Японией, и затяжную болезнь большинства русской интеллигенции — веру, именно веру в Революцию с прописной буквы, при том революцию бескрайнюю, ведущую к полному перевороту во всех общественных отношениях.

Вера эта отвлекала молодежь от созидательной работы в пределах тогдашних возможностей и тем затрудняла мирный путь развития. И вот эта вера начала проходить. Началась полоса быстрого хозяйственного и культурного подъема. Промышленность, к которой Россия обратилась еще в 90-ых годах XIX столетия, пошла вперед с такой быстротой, что, если бы развитие не было прервано войной и революцией, к 1940 году она достигла бы того же уровня, какой осуществился путем мучительных для народа пятилеток, — но без этих мучений. Перед сельским хозяйством открывалась перспектива свободного развития, не скованного ни общиной, ни позже навязанными ему колхозами. В культурной сфере шел процесс возрождения после длительного застоя за последнюю четверть XIX века. Это был серебряный век русской поэзии — золотым был, как вам известно, век Пушкина. Развивалась русская философия, отнюдь не марксистская. Русская музыка и русский театр поднялись на такую высоту, что показ их Западу был воспринят, как откровение. Быстрыми шагами двинулось вперед народное образование. Заново перестраивалась русская школа.

И вот, на почве этого многостороннего развития, появились бесчисленные точки для приложения сил интеллигентной молодежи. Работы, интересной и полезной, было так много, что не хватало людей, вполне к тому подготовленных. И значительная часть молодежи поняла зов времени, отвернулась от миража революционных обещаний и принялась за дело, полезное, даже прямо необходимое. России нужно было 25 лет мира, и она стала бы страной счастливого крестьянства, но также одаренной высоко развитой промышленностью, обслуживающей подлинные человеческие нужды, а не революционный мираж, как это происходит теперь. И, главное, в ней продолжала бы процветать тонкая и многогранная культура.

Но судьба не дала России этих 25 лет. Пришла вой-

на, в значительной мере вызванная тем, что Германия ужаснулась восходящей силы России. Война пошла неудачно; правительство использовало ее для того, чтобы повернуть назад колесо истории и отнять завоеванные уже было свободы. Вопреки часто высказываемому мнению, колесо истории можно повернуть назад, но за это приходится жестоко расплачиваться. Расплата пришла в форме революции, сначала в лице прекрасного, но бессильного февраля, а затем в зверином образе октября. Февраль хотел ускорить развитие, которое шло за весь XIX век и начало XX; октябрь его оборвал.

Не во всех областях жизни этот обрыв оказался окончательным. Промышленность развилась, хотя и болезненно; пришло всеобщее образование, но в односторонней форме, в которой все содержание культуры втискивается в шаблоны марксизма, ошибочность которого давно осознана там, где не правят коммунисты. Нет подлинной поэзии, нет литературы, которая могла бы удержаться в памяти грядущих поколений. Нет философии, даже марксистской. Нет живописи, если не считать иконописи социалистического строительства. И нет подлинного правового строя, без которого свободное развитие высших ценностей невозможно.

Эта утрата правовой основы жизни мне особенно чувствительна, ибо по образованию я юрист и, не будь октябрьской революции, теперь кончал бы жизнь в качестве заслуженного профессора права в одном из русских университетов. Но она горестна мне не только в качестве личной утраты, но и потому, что, в области права, России еще в 60-х годах XIX века удалось воздвигнуть величественное здание, нигде не превзойденное — могу об этом засвидетельствовать с полной уверенностью после сорока лет жизни и работы в разных странах Западной Европы и Америки.

Сто лет назад, на смену так называемому дореформенному суду, к которому в значительной мере вернулось советское право, были созданы замечательные су-

дебные уставы, которые дали России «суд скорый, правый и милостивый». Это был суд независимый от правительства: мировые судьи подлинно избирались органами тогда же созданного местного самоуправления, а члены судов более высоких рангов назначались пожизненно и могли быть уволены только по судебному приговору за точно обозначенные в законе преступления. По уголовным делам большей важности виновность подсудимого признавалась или отвергалась присяжными заседателями, независимыми от правительственной власти. Все другие дела решались судьями, получившими высшее юридическое образование, много высшего калибра, нежели то, что дается сейчас — могу судить об этом на основании сличения учебников тогдашних и нынешних. Защитники по уголовным делам также имели высшее образование и пользовались независимостью в рамках свободного самоуправления, которое зорко следило за тем, чтобы не нарушалась профессиональная этика. По уголовным делам была особенность, выгодно отличавшая Россию от стран запада: если на суде подсудимый заявлял, что он невиновен, он не мог быть подвергнут допросу, но мог по своему желанию давать объяснения по каждому поводу. Всякий подсудимый по закону считался невиновным, пока его виновность не была доказана вне разумного сомнения. Права личности были действительно ограждены судом.

Этот суд применял законы, которые все более и более модернизировались. В 1903 году было утверждено уголовное уложение, которое поставило Россию в число передовых стран по данному вопросу. Наилучшие части уголовного кодекса 1926 года — это как раз те, которые переняты из уложения 1903 года. На этой почве на западе иногда происходят курьезные недоразумения. Не так давно один американский ученый, ознакомившись с кодексом 1926 года, горячо рекомендовал своим соотечественникам заимствовать из него некоторые постановления. К великому конфузу, из моей статьи он

узнал, что в сущности он рекомендовал взять за образец уголовное уложение 1903 года. По гражданскому праву дело обстояло не так благополучно. Законы сильно устарели. Но с одной стороны Сенат (который был по существу верховным судом) своей практикой развил эти законы в соответствии с потребностями жизни, а с другой стороны ко времени революции был готов проект нового гражданского уложения, вполне согласованный с требованиями высоко развитой русской научной мысли.

Главный смысл вышесказанного в том, что жизнь в России, за малыми исключениями, протекала в рамках права, а не усмотрения административных органов. Россия была близка к идеалу правового государства, в котором люди могут свободно думать, говорить, — и действовать в пределах, заранее установленных законом. Те, которые, как мы, к вам обращающиеся, жили в недрах такого правового порядка и потеряли его, ощущают эту утрату, как одно из величайших бедствий, постигших Россию, когда ее становой хребет был перешиблен октябрьской революцией.

Та Россия, в которой вы живете, конечно сохранила значительную часть своего исторического наследства; многое из того, что было первоначально отнято, было потом возвращено, например наша непревзойденная классическая литература и наше национально-историческое сознание.

Но есть и огромные утраты; к их числу принадлежит утрата правового порядка, этой основы свободы, без которой человеческий дух оскудевает. Если вы задумываетесь над тем, чего нехватает в современной России, то не забудьте о правовом начале, попираемом нынешней властью. Дело конечно не в том, чтобы оживить старое право; как я уже сказал, попытки оживить прошлое кончаются катастрофой. Но принцип свободы,

основанный на праве, вечен. Его усвойте себе, к нему стремитесь, на нем настаивайте, за него боритесь, как много лет за него боролись наши предки. Они победили; победите и вы, если захотите и, захотев, претворите свою волю в дела.

Н. С. ТИМАШЕВ